

Монкие материи и грубые обстоятельства

Часть третья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Натали Касс

18+

Натали Касс

**Тонкие материи и грубые
обстоятельства. Часть третья**

«Автор»

2026

Касс Н.

Тонкие материи и грубые обстоятельства. Часть третья /
Н. Касс — «Автор», 2026

Даже у самой проницательной ведьмы бывают слепые зоны. Особенно когда речь заходит о ее собственной жизни. Марго всё так же успешно притворяется тарологом, решая чужие проблемы с помощью психологии, картонных карт и скрытого дара. Ее уютная рутина работает как часы, пока не приходит время сбросить маски. Обаятельный Слава наконец-то раскрывает карты. И теперь независимой московской ведьме придется осознать забавный факт: все это время она пыталась не привлекать внимание, но случайно приручила кое-кого гораздо более древнего и опасного. Впрочем, кто кого приручил — еще большой вопрос. Заключительная часть уютной истории-антистресса. Финальные истории клиентов, неизменная кошка-сфинкс и закономерный итог отношений двух не совсем обычных людей, которые нашли друг друга в большом городе.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Натали Касс
Тонкие материи и грубые
обстоятельства. Часть третья

Тонкие материи и грубые обстоятельства
Часть 3

Глава 1

За окном была середина октября, осень окончательно вступила в свои права, накрыв Москву свинцовым небом. Потянулась обычная вереница будней: чужие драмы, изящные психологические дуэли под видом карточных раскладов, запах крепкого кофе по утрам и монотонный шум дождя за окном тринадцатой квартиры. Эмоциональный фон города, вечно куда-то спешащего и недовольного, больше меня не задевал. Чужая тревога и суeta просто скользили по зеркальной глади моего разума, не оставляя на темной воде ни единого следа.

А два дня назад размеренный ритм нарушила Агнесса.

Бабушка ворвалась в мою жизнь коротким звонком, сообщив, что где-то в Греции скоропостижно скончался какой-то невероятно значимый коллекционер древностей. Имя покойного выветрилось из моей головы ровно в ту секунду, как было произнесено. Зато последствия этого события материализовались незамедлительно: наследники устроили закрытый аукцион, и Агнесса, сверкая глазами в предвкушении добычи, спешно упаковала винтажный саквояж. Индиана Джонс в юбке-карандаш и с безупречной укладкой улетела на охоту за редкостями, оставив на мое попечение свой главный крест.

Федоила.

Сейчас этот пушистый, необъятный сгусток рыжего цинизма возлежал на подоконнике моего кабинета, свесив хвост на батарею. Он спал, но даже во сне умудрялся излучать такое презрение к окружающему миру, что воздух вокруг него казался гуще.

Кара сидела на краю моего рабочего стола, идеально прямая, как египетская статуэтка. Ее льдисто-желтые глаза не отрывались от рыжей туши. По нашему симбиотическому контуру текло холодное, методичное размышление на тему того, насколько незаметно можно столкнуть эту шерстяную подушку вниз. Я мысленно послала кошке легкий импульс спокойствия. «Не трогай. Он старый и мстительный. Нам еще потом отстирывать шторы». Кара недовольно дернула голым ухом, но взгляд отвела, принявшись вылизывать переднюю лапу.

А отложила колоду Таро на зеленое сукно стола — карты легли с тихим, сухим шелестом. Изящный реквизит ждал своего часа.

Экран смартфона мигнул, высветив новое сообщение. Клиентка, записанная на три часа, задерживалась уже на двадцать минут. «Маргарита, простите ради бога! Намертво стою на Садовом, буду минут через десять!»

Я чуть приподняла уголок губ, откинувшись на спинку тяжелого кожаного кресла. Никакой магии, никаких сложных плетений вероятностей — банальная московская пробка, вечная и неизменная. Я заблокировала экран, чувствуя кончиками пальцев прохладное стекло телефона. Времени как раз хватало, чтобы выпить еще чашку чая, послушать, как капли бьют по карнизу, и насладиться тишиной кабинета, прежде чем мне снова придется надеть маску проныцательной жрицы и виртуозно направлять чужую жизнь в нужное русло.

Алена влетела в мой кабинет ровно через полчаса, принесла с собой запах мокрой ткани, уличной сырости и острую, суетливую тревогу.

— Марго, простите ради бога! — она торопливо стягивала влажный плащ, путаясь в пуговицах. — Там на Садовом просто мертвая пробка, кто-то кого-то притер, и всё, половина кольца стоит. Я бежала от самого метро...

— Ничего страшного. Садитесь, Алена. Выдохните, — я кивнула на тяжелое гостевое кресло, пододвигая к ней стакан с водой. Девушка лет двадцати пяти, с растрепанным каре и покрасневшими от спешки щеками, плюхнулась на самый край сиденья, нервно сминая в руках ремешок сумки.

— На что смотрим? — я положила ладони на зеленое сукно стола, по обе стороны от колоды.

— На моего парня, — Алена сделала жадный глоток воды. — Мы вместе полтора года. И всё, правда, было отлично. Но в последнее время он стал каким-то дерганным. Постоянные командировки, телефон на беззвучном, в туалет с ним ходит. А в эту субботу... вообще дичь. Выходной день, мы планировали поехать в Икею, ну, за город. Ему кто-то позвонил в семь утра. Он побледнел как полотно, бросил, что ЧП на объекте, и улетел. И вот уже три дня тишина. Абонент недоступен. Я места себе не нахожу, обзвонила все морги и больницы.

Она замолчала, с надеждой уставившись на рубашку колоды.

Я не стала торопиться. Медленно сдвинула верхнюю часть карт. Никаких картинок мне было не нужно — стоило сфокусировать внимание на Алене и ее пропавшем мужчине, как узор чужой жизни развернулся передо мной путаным, банальным до зубной боли клубком.

Первая нить — толстая, устоявшаяся. Иллюзия вывернулась наизнанку: это не из столицы он ездил в командировки. Его командировками была Москва. И сама Алена.

Вторая нить завибрировала острой, болезненной нотой. Субботнее утро. Звонок. Больница, паника, кровь и гулкое эхо первого крика. Жена. Роды, судя по всему, начались раньше срока. Именно поэтому он сорвался к своему настоящему, законному очагу.

И, наконец, третья нить. Совсем тоненькая, едва зародившаяся прямо здесь, в этой комнате.

Я перевела взгляд на Алену. Ирония мироздания, как всегда, не знала границ. Пока мужчина встречал одного ребенка в другом городе, его московская «командировка» уже носила под сердцем второго.

«Какая же ты слепая», — мелькнула было мысль, но я тут же одернула себя. Золотая змейка на левом запястье скользнула по коже, напоминая, кто тут у нас зоркий сокол. Чья бы корова мычала. Сама-то пропустила в свою постель змеюку-манипулятора и даже не почесалась, пока не ткнули носом. Мы все видим только то, что хотим видеть.

— Алена, — я плавно выложила на стол первую карту, Луну. — За эти полтора года вы часто бывали у него дома?

Она нахмурилась, явно сбита с толку.

— Нет. Мы всегда у меня. Он снимает двушку с коллегой, говорит, там вечный бардак и проходной двор, неудобно.

— А праздники? Новый год, дни рождения?

— Он ездит к родителям в Тверь, — Алена нервно дернула плечом, защищая свой хрупкий мирок. — У него мама болеет, ей помогать надо. А что? При чем тут это? Вы думаете, он там?

— Я думаю, Алена, что карты не показывают мне «ЧП на объекте», — я перевернула Тройку Мечей. — Луна — это всегда искажение фактов. Двойная жизнь. Тот фундамент, который вы считаете вашим общим, на самом деле принадлежит другой женщине.

Девушка замерла. Ремешок сумки в ее руках жалобно скрипнул.

— Вы хотите сказать... он женат? — ее голос дрогнул, стал тонким, детским. — И он уехал к ней?

— Отъезд три дня назад — это семейное событие. Что-то фундаментальное и неотложное. Скорее всего, пополнение в семье. В такие моменты вторую сим-карту обычно просто выключают.

Алена открыла рот, чтобы что-то сказать, но из ее горла вырвался только сдавленный всхлип. Она закрыла лицо руками. Тишина в кабинете стала тяжелой, удушливой.

И тут со стороны окна раздался громкий, глухой стук.

Мы обе вздрогнули. Федоил, видимо, слишком расслабился во сне и просто стек с узкой батареи на пол. Рыжий кот с кряхтением поднялся, недовольно отряхнул пыль с необъятных боков, окинул нас с Аленой возмущенным взглядом, словно это мы его толкнули, и принялся невозмутимо вылизывать заднюю лапу, задрав ее под немыслимым углом. Кара, сидевшая на столе, презрительно фыркнула.

Градус драмы мгновенно упал. Алена отняла руки от лица и шмыгнула носом, глядя на вылизывающегося Федоила.

— Простите, — пробормотала она. — Просто... полтора года. Как я могла не замечать?

— Так бывает, — я спокойно пожала плечами. — Люди — талантливые лжецы, а мы — талантливые зрители. Но есть кое-что еще.

Я выложила третью карту — Императрицу.

— Прежде чем вы начнете звонить по тверским больницам или готовить гневную речь к его возвращению... дойдите до аптеки, Алена.

— Зачем? — она вытерла глаза тыльной стороной ладони, непонимающе глядя на карту с изображением женщины в венке. — Успокоительное купить?

— Тест на беременность.

Девушка перестала дышать. Ее взгляд метнулся от Императрицы к к своему животу. Сумка в ее руках как-то сама собой сползла на колени, инстинктивно прикрывая его.

— У меня... задержка три дня, — пробормотала она, глядя в пустоту поверх карт. — Но я думала, это из-за нервов. Из-за того, что он пропал, я не сплю толком...

— Тело всегда узнает всё немного раньше, чем разум, — я мягко сдвинула карту Императрицы чуть ближе к ней. — Проверьте. А потом уже будете решать, кто, кому и что должен в этой истории.

Алена сидела молча минуты две. Только слушала, как по стеклу монотонно бьет московский дождь, да смотрела на глянцевый картон. В ее покрасневших глазах растерянность медленно, но верно уступала место какому-то новому, тяжелому пониманию. Драма брошенной, обманутой девочки отступала перед совсем другой реальностью, где требовалось принимать взрослые решения.

Тем временем Федоил, решив, что гигиенические процедуры задней лапы окончены, громко и с хрипом зевнул, продемонстрировав желтоватые клыки. Затем он неспешно, вразвалочку протопал к моему столу, тяжело рухнул на ворс ковра и мгновенно уснул, забавно подергивая ухом.

Кара смерила рыжую тушу долгим, немигающим взглядом и перевела желтые глаза на клиентку. В ее позе читалось совершенно человеческое снисхождение — мол, сеанс окончен, выводы сделаны, пора бы и честь знать.

Алена, словно считав этот кошачий намек, глубоко вдохнула и медленно, прерывисто выдохнула.

— Сколько я вам должна, Марго? — голос у нее стал тише, но гораздо тверже, чем полчаса назад.

— Перевод по номеру телефона, — я кивнула на визитку, лежащую на краю стола.

Она достала мобильный, быстро набрала цифры. Пискнул терминал, подтверждая операцию. Алена встала, накинула свой влажный плащ, поправила воротник. В ее движениях больше не было той дерганой суеты, с которой она влетела в кабинет. Лицо казалось бледным, но собранным.

— Спасибо вам. Правда. Лучше так... чем еще год строить иллюзии, — она горько усмехнулась, подхватила сумку и направилась к выходу.

— Берегите себя, Алена.

Когда за ней щелкнул замок входной двери, в тринадцатой квартире снова воцарилась уютная, густая тишина, нарушаемая только мерным сопением Федоила.

Кара мягко спрыгнула со стола, подошла к спящему Федоилу и, безгласно перешагнув через его хвост, улеглась на соседнее кресло.

Глава 2

Проводив Алену, я привела стол в порядок и уже собиралась гасить свет, чтобы совершить свой привычный двухметровый переход из тринадцатой квартиры в родную двенадцатую. Ключи уже звякнули в руке, когда тишину разорвала трель дверного звонка.

Не домофон внизу, а именно звонок тринадцатой квартиры.

Уверенная, что Алена в расстроенных чувствах забыла зонт или перчатки, я щелкнула замком и распахнула дверь.

На пороге стояла Зинаида Петровна. Наша консьержка и по совместительству соседка, бессменная заведующая дворовым сарафанным радио, чья осведомленность о чужих жизнях обычно лилась сплошным жизнерадостным потоком. Но сейчас тетя Зина выглядела так, словно прятала под курткой контрабанду.

— Маргоша... мне бы поговорить, — выпалила она громким шепотом, воровато озираясь на пустую лестничную клетку.

Я удивленно моргнула. За почти десять лет моего проживания в этом доме жизнерадостная соседка ни разу не заходила ко мне, хотя прекрасно знала, чем именно я тут занимаюсь за зеленым сукном.

— Проходите, Зинаида Петровна, — я отступила, приглашая ее внутрь. Видя, что женщина переминается с ноги на ногу и нервно теревит край влажной ветровки, я предложила самый универсальный антидепрессант: — Чай будете? У меня заварен свежий, с чабрецом.

Она кивнула, шмыгнув носом, и мы прошли к небольшому гостевому столику у окна. И тут начались странности.

Кара, только что уютно дремавшая в кресле, вдруг вскинула лысую голову. Ее желтые глаза превратились в два немигающих прожектора, направленных на карман Зинаиды Петровны. С ковра донеслось тяжелое кряхтение: Федька, которому обычно было плевать даже на падение метеорита, поднял свою необъятную рыжую тушу и сел, напряженно вглядываясь в гостью.

Фамильяры всполошились так синхронно, что по инерции я тоже начала присматриваться внимательнее. Что происходит?

Я чуть сместила фокус зрения, и интуиция мгновенно отозвалась легким уколом: пространство вокруг правого кармана консьержки едва заметно рябило, словно воздух над раскаленным асфальтом. Никакой зловещей мистики, просто тихое, теплое пульсирование чужеродной, но совершенно точно магической искры. Искры такого порядка на улице обычно не валяются. Мой внутренний сарказм взял паузу, уступая место чистой интриге.

Зинаида Петровна шумно выдохнула и, как в воду прыгнула, затараторила:

— Ты понимаешь, тут такое дело, Марго. Вчера вечером шла я домой после смены. И тут в кустах у мусорки слышу — писк. Ну, ты же знаешь, какая я жалостливая... Пошла посмотреть, а там котенок. Только глазки, видимо, открыл. Я его принесла домой, покормила молоком из пипетки... Нет, ну ты представляешь?! — она привычно возмутилась, на секунду возвращаясь к своему повседневному образу. — Как так можно с животным? Живую душу под такой дождь!

Она тут же осеклась, понизила голос и придвинулась ближе:

— Кое-как успокоила кроху. А ночью мне приснилась моя бабка. Стоит строгая, с клюкой, и говорит: «Кота отдай ведьме. Не твой». Я утром проснулась и не поняла сначала, о чем речь. Но знание это прям внутри сидит и зудит: отнеси, отнеси! Ты не подумай, я ничего такого не имею в виду! — она торопливо замахала руками. — Но, понимаешь, у меня бабка просто так не снится. Был у меня случай по молодости: приснилась она мне и говорит — не ходи, Зинка, завтра в клуб. А я, дура, поперлась! И что?

— И что? — искренне поинтересовалась я, ставя перед ней чашку с чаем.

— Ногу сломала! — торжествующе сообщила Зинаида Петровна. — Прямо на крыльце поскользнулась! Так что, Марго, ты без обид, но моя бабка сказала — отнеси, значит, надо отнести. Я бы себе оставила, честное слово, хороший котик, но... бабка. Против нее не попрешь. Чревато.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

— Когда на работу пошла, взяла кроху с собой. Думала сначала, может, бабка мне про Аидку нашу с третьего этажа говорила? Но какая из нее ведьма... Шарлатанка! Ты ведь помнишь тот скандал?! А вот ты... ты не ведьма, конечно, — она снова смущенно покраснела, — но на картах гадаешь. И вот я, когда к твоей двери подходила, у меня прям камень с плеч упал. Значит, все же тебе.

С этими словами она сунула руку в карман и вытащила на свет черный, взъерошенный клубок размером чуть больше ладони.

— У тебя ведь уже есть кошка, опыт имеется, — она виновато покосилась на замершую Кару и положила комочек прямо на мое зеленое сукно стола.

Котенок неуверенно переступил тощими лапками, разинул крошечную пасть и выдал требовательное, скрипучее: «Мя-а-а».

Я смотрела на него, и в моей голове образовалась звенящая пустота, сквозь которую пробивались короткие, суматошные вопросы.

Фамильяр?! Вот этот мелкий, блохастый комок из кустов — новоявленный фамильяр? Откуда он взялся? Как вообще оказался в мусорке спального района? Почему эта кривая нитка вероятностей притянула Зинаиду именно ко мне? И главное — что мне теперь с ним делать? Как оформлять опеку по профсоюзной линии, если собрат едва на ногах стоит?

Я перевела взгляд на Кару. Кошка сидела неподвижно, но по нашему внутреннему контуру прокатилась волна выразительного скепсиса. В ее желтых глазах читалось: «Скажи мне, что это чья-то неудачная шутка, и мы закроем тему». Федоил с пола издал звук, похожий на сдувающуюся шину, демонстративно отвернулся к стене и принялся вылизывать лапу. Солидарностью тут и не пахло.

— Зинаида Петровна, — я осторожно ткнула пальцем в черный бок котенка. Тот тут же попытался вцепиться в мой ноготь крошечными, как иголки, зубами, обдав пальцы еще одной порцией теплой, неконтролируемой магии. — Ваша бабка, конечно, непререкаемый авторитет, но... вы уверены, что она не просила вернуть его обратно в кусты?

— Да ну, скажешь тоже! — Зинаида Петровна наконец-то расслабленно откинулась на спинку стула и с удовольствием отхлебнула чай, явно счастливая от того, что успешно спихнула мистическую ответственность по нужному адресу. Она начала с любопытством осматриваться по сторонам. — Чай у тебя вкусный, Маргоша. Душистый.

Я обреченно вздохнула. День перестал быть просто рабочим, плавно перетекая в категорию стихийного бедствия с кошачьим уклоном.

Щелчок замка за спиной Зинаиды Петровны прозвучал как выстрел стартового пистолета. Я медленно выдохнула, потеряла виски и повернулась к столу.

Черный комок шерсти сидел прямо на перевернутой Двойке Кубков, едва заметно дрожал и смотрел на меня совершенно бессмысленными, мутными глазами.

— Ну и что мне с тобой делать, чудо природы? — негромко спросила я в пустоту кабинета.

Кара, все это время изображавшая статуэтку на кресле, мягко спрыгнула вниз и бесшумно подошла к столу. Она потянулась носом к котенку, брезгливо дернула усами, фыркнула и ушла в коридор, всем своим видом демонстрируя: «Разбирайся сама, это не моя юрисдикция». Федоил даже глаз не открыл, продолжая размеренно сопеть в ворс ковра.

Я оперлась ладонями о край стола и всмотрелась в котенка, чуть сместив фокус восприятия. Никаких картинок и видений. Только тончайшие нити вероятностей. И у этого существа они были... оборваны. Они слепо тянулись в пространство, как ищущие опору корни, дрожали и искрились сырой, несформированной силой.

Все было до банального просто. Фамильяры не рождаются на помойках и не сваливаются с неба от сырости. Это всегда парный танец. Дух-компаньон выкристаллизовывается в мире в тот самый момент, когда в юной ведьме просыпается сила. Обычно это происходит в промежутке от одиннадцати до четырнадцати лет, с первой кровью и первым, неконтролируемым всплеском магии.

Я слишком хорошо помнила это по себе. Мне было тринадцать. Истерика, разлетевшееся вдребезги зеркало в ванной, перегоревшая проводка во всей квартире — и крошечная, абсолютно лысая Кара, возникшая из ниоткуда на моей подушке, чтобы забрать излишки этого хаоса и стать моим контуром заземления. Потом идут годы обучения, и где-то к двадцати годам ведьма проходит инициацию, забирая полную силу рода. Моя инициация, в силу кривых обстоятельств рождения, затянулась до двадцати семи, но механика процесса от этого не менялась.

Я смотрела на слепые, ищущие нити черного котенка и складывала два и два.

Вчера вечером где-то в нашем районе (или чуть дальше, если он долго скитался) у какой-то девочки проснулся дар. Всплеск энергии породил фамильяра. Но к хозяйке он не попал. Почему? Сотня причин. Девочка испугалась до истерики и ментально закрылась. Контакт не состоялся, нить оборвалась.

А непривязанный фамильяр в мегаполисе — это как открытая рана. Он обречен на развоплощение. Поэтому инстинкт погнал крошечного духа искать ближайший стабильный маяк силы, чтобы выжить. Этим маяком оказалась я. А бабка консьержки, царство ей небесное, просто послужила удобным курьером.

Котенок вдруг неуклюже шагнул вперед, пискнул и ткнулся холодным мокрым носом в мое запястье.

В ту же секунду я почувствовала, как крошечные, слепые щупальца чужой магии потянулись к моей ауре, пытаясь зацепиться, заякориться, сделать глоток моей силы.

— О нет. Даже не думай, — я резко отдернула руку.

Внутренний щит, обычно расслабленный в стенах дома, мгновенно встал на место. Темная, зеркальная гладь сомкнулась, не оставляя ни малейшей щелки. Я стала для котенка абсолютно пустой, глухой стеной. Ни капли магии наружу. Стоит мне дать слабину, позволить ему «попробовать» мою силу — и якорь упадет. Связь замкнется. И у меня на шее повиснет второй фамильяр, перекраивая мой идеально выстроенный симбиоз с Карой. Мне лишняя живность в энергоконтуре была совершенно ни к чему.

Но физическое тело котенка никуда не делось, и оно отчаянно хотело жить.

Я подхватила его со стола — аккуратно, за шкурку, как берут испачканные вещи — выключила свет в тринадцатой квартире и скомандовала своей хвостатой банде двигаться домой.

В холодильнике домашней квартиры нашлись десятипроцентные сливки. Я немного погрела их в медной турке, перелила в плоское кофейное блюдо и опустила черное недоразумение на пол кухни. Котенок ткнулся мордой в белую лужицу, смешно измазал усы и принялся жадно, с чавканьем лакать.

Пока физическая оболочка духа насыщалась, я достала телефон и набрала номер Бабушки.

Гудки шли долго. Наконец в трубке раздался шелест перелистываемых страниц и спокойный, неизменно элегантный голос Агнессы:

— Маргарита? Если ты звонишь сказать, что Федоил снова отказывается есть свой диетический корм, просто не давай ему ничего другого. Голод — отличный кулинар.

— Федоил в порядке, дрыхнет на ковре, — я прислонилась бедром к столешнице, наблюдая, как котенок ожесточенно вылизывает блюдо. — У меня другой вопрос, Ба. Клуб потерянных душ не твой профиль? Мне тут курьером доставили новорожденного фамильяра. Дикого.

На том конце провода повисла пауза. Шелест страниц прекратился.

— Исключительно интересно, — тон Бабушки стал острее, в нем проскользнула фирменная ирония. — Ты решила сменить специализацию и открыть ясли?

— Боже упаси. Я держу щиты так, что от меня даже мухи отскакивают, лишь бы он случайно не присосался к моему контуру, — хмыкнула я. — Вчера у какой-то девочки в районе проснулась сила. Связь не установилась, дух откололся и прибил к моему порогу. Он сейчас допьет сливки и, вероятно, уснет. Но мне нужно найти его хозяйку, пока он не угас без правильной подпитки. И пока не начал грызть мои тапочки.

— Логично, — протянула Агнесса Эдуардовна. Я прямо видела, как она задумчиво постукивает ногтем по столу. — Искать малолетнюю ведьму в Москве — это как искать иголку в стоге сена. Но нас не так много в городе, и учтенных подростков сейчас нет. Самой младшей из известных уже семнадцать, и она вошла в силу. А значит, мы имеем дело с дикой силой. Неучтенной кровью, которая, скорее всего, даже не понимает, что с ней происходит. И у нее должен быть выброс. Больницы, скорые, странные вызовы психиатров за последние сутки...

— Или пожарные, — добавила я, вспомнив свою собственную искрящую молодость.

— Именно. Держи его подальше от своей магии, Марго. Я позвоню паре знакомых в городских структурах, пусть посмотрят сводки по Центральному округу за вчерашний вечер. Девочка лет двенадцати-тринадцати, резкий психоз или необъяснимая поломка техники вокруг. Как только найдем эпицентр — поедешь и вернешь пропажу.

— Договорились. Спасибо, Ба.

Я сбросила вызов. Котенок, наконец, оторвался от вылизанного до блеска блюда. Его крошечный живот раздулся, как барабан. Он неуклюже потоптался на месте, пискнул, не найдя магии, к которой можно прижаться, и просто рухнул на теплый кафель возле батареи, моментально уснув.

Оставалось только ждать.

Время тянулось медленно, вязко, как смола. За окном стемнело, октябрьский дождь перешел в глухой, монотонный ливень. Я сидела на кухне с чашкой давно остывшего чая и смотрела, как по стеклу ползут кривые капли.

В половине десятого вечера телефон на столе коротко завибрировал. Сообщение от Агнессы Эдуардовны: *«Мои люди перерыли сводки. Никаких пожаров или массовых психозов у подростков в твоём квадрате не зафиксировано. Либо девочка живет на границе округа, либо они просто не успели вызвать скорую. Не жди. Время».*

Я отложила телефон. Посмотрела на котенка. Он все еще спал, но его дыхание стало прерывистым, а тельце начала бить мелкая дрожь. Физическая пища дала ему отсрочку, но без магического якоря он начал угасать.

Бабушка была права, ждать больше было нечего. Бюрократия проиграла. Придется искать самой.

Раньше я не могла этого сделать по одной простой причине: выходить в шесть вечера в арку на Покровке, в самый час пик, и сбрасывать ментальные щиты — это самоубийство. Шум тысяч людей, бегущих с работы к метро, просто снес бы мне голову, а стоять как истукан под дождем на виду у офисного планктона — грубое нарушение правил маскировки.

Но сейчас, почти в десять вечера, под проливным дождем, дворы старого фонда вымерли.

Я накинула длинный непромокаемый плащ. Котенка трогать пока не стала — ему на улице делать нечего. Накинула капюшон, спустилась вниз и вышла из подъезда.

Москва встретила меня хлестким порывом ледяного ветра. В десять вечера город, разумеется, и не думал спать. Он ворочался, раздраженно гудел машинами на Садовом кольце и пульсировал скрытой нервозностью.

Я встала в самой темной части кирпичной арки, надвинула поглубже капюшон непромокаемого плаща и прикрыла глаза.

Снимать защиту в центре мегаполиса — всегда испытание. Я медленно, с усилием раздвинула темную, зеркальную гладь своего внутреннего щита.

На меня тут же обрушился тяжелый, вязкий ментальный шум. Никаких снов — только агрессивная усталость миллионов людей. Раздражение водителей, матерящихся в пробках сквозь шум дворников; глухая, выматывающая тоска клерков в вагонах метро; синтетический гул телевизоров и чья-то мелкая, бытовая злость. Этот человеческий фон лип к коже, как грязная паутина, давил на уши, заставлял морщиться.

Я стиснула зубы и заставила себя скользнуть глубже. Сквозь эту липкую человеческую суету — к самой основе.

Туда, где под слоем мертвого асфальта тяжело и равнодушно дышала сырая земля. Туда, где по чугунным водостокам с ревом неслась ледяная вода, а ветер гулял в бетонных лабиринтах. Как только я нащупала этот древний, природный контур, человеческий шум отдалился, превратившись в невнятное жужжание. Я выдохнула, чувствуя странное, тягучее родство с этой скрытой, темной мощью.

Я не читала заклинаний. Я просто потянулась к дождю и ветру, транслируя им ту картину, что стояла у меня перед глазами: слепые, ищущие нити брошенного котенка и невыносимый жар сгорающей заживо силы.

«Одна из нас горит, — мысленно обратилась я к пространству, вкладывая в этот посыл горечь и отчаянную просьбу. — Маленькая, глупая, не знающая. Покажите эту рану. Направьте меня».

И мир ответил. Не голосом и не знаком.

Ветер, до этого хаотично бивший по полам плаща, вдруг резко сменил направление. Он ударил мне прямо в лицо, и в его влажной, осенней свежести я физически ощутила тошнотворный диссонанс. Воздух стал субъективно густым, почти металлическим. В нем отчетливо, до рези в носоглотке, пахло жженой пылью и скисшим молоком — так пахла чужая паника и кипящая, бесконтрольная магия, выжигающая пространство.

Это было настолько неправильно, настолько больно, что у меня свело челюсти. Эпицентр этой агонии находился не так далеко, где-то в километре на северо-восток. Вектор прочертился безошибочно, вонзившись в основание моего черепа тяжелым, пульсирующим давлением.

Я резко захлопнула щит.

Темная вода мгновенно сомкнулась, отрезая меня и от изматывающего гула толпы, и от ледяного дыхания стихий. Я тяжело оперлась рукой о мокрую кирпичную стену арки, переводя дух. В голове прояснилось, но фантомная боль в затылке осталась — компас был настроен, и он тянул меня за собой, как натянутый поводок.

Вернувшись в теплую, тихую квартиру, я сразу прошла на кухню. Котенок у батареи уже не просто спал — он слабо, прерывисто дрожал, свернувшись в тугой, жалкий комок. Его время истекало.

Я наклонилась, аккуратно подхватила его с кафеля обеими руками, чувствуя хрупкость этого крошечного, пульсирующего комочка силы, и бережно опустила в глубокий внутренний карман плаща, ближе к свитеру.

— Кара, охраняй квартиру, — бросила я кошке, застегивая молнию. Та лишь дернула ухом, провожая меня долгим желтым взглядом.

Глава 3

Октябрьский дождь стоял стеной, глухо барабанил по капюшону плаща. Я шла дворами, игнорируя лужи и слякоть, ориентируясь исключительно на тошнотворное давление в затылке, которое усиливалось с каждым шагом. Меня вело к старой, обшарпанной пятиэтажке с облупившейся охристой краской, которая в свете тусклых фонарей казалась болезненно-желтой. Подъезд без домофона встретил меня запахом сырости и кошачьей мочи.

Третий этаж. Дверь, обитая рваным дерматином, из-под которого торчала гниющая желтая губка поролона, была даже не заперта до конца — перекошенный язычок замка просто не вошел в паз. Я толкнула ее плечом и шагнула внутрь.

В лицо ударила густая, кислая вонь. Пахло дешевым пойлом, немытым телом, въевшимся табаком и застарелой безнадегой. Типичная маргинальная яма, где дети — лишь строчка в документах для получения жалкого пособия.

Из кухни доносилось бубнение телевизора и тяжелый, свистящий храп. На продавленном диване вповалку спали двое: тучный обрюзгший мужчина и женщина с невнятным, землистым цветом лица. На столе — батарея пустых бутылок и грязные тарелки.

«Родители года, — мелькнула в голове холодная, язвительная мысль. — Удивительно, как иронично мироздание тасует карты, вливая древнюю кровь в такой генетический мусор». Если они сейчас проснутся, мне даже не придется применять магию — хватит одного тяжелого, «ведьмовского» взгляда, чтобы они снова ушли в свой спасительный алкогольный анабиоз. Но до них мне не было никакого дела.

Мое внимание намертво приковала приоткрытая дверь в конце узкого коридора. Оттуда веяло таким густым, раскаленным жаром, что воздух казался осязаемым, почти плотным. Словно я стояла перед открытой дверцей раскаленной печи.

Я распахнула дверь, скидывая влажный капюшон.

Комнатушка два на два метра. Обои свисают неопрятными клочьями. На узкой скрипучей кровати, до неузнаваемости скомкав под собой серую простыню, лежала девочка лет двенадцати. Худая, угловатая, с обгрызенными ногтями. Она металась в горячечном бреду, ее кожа была неестественно пунцовой, а губы потрескались до кровавых корок. Она глухо хрипела, впиваясь пальцами в собственные плечи, словно пыталась удержать внутри себя что-то огромное, готовое разорвать ее грудную клетку изнутри.

Она умирала. Магия, не найдя выхода и якоря, просто пожирала своего юного носителя.

Я подошла к кровати. Страх не было, жалости в привычном, человеческом понимании — тоже. Было только холодное, абсолютное понимание того, что нужно делать. Память услужливо подкинула картинку из моего собственного прошлого: мне тринадцать, меня трясет от жара, стекла в серванте звенят, а Бабушка сидит на краю моей постели. Ее руки холодные, как лед, голос жесткий, как сталь. Никаких слез, обьятий и уговоров. Пожар не тушат слезами, его тушат дисциплиной.

Я села на край кровати, проигнорировав жалобный скрип пружин. Достала из внутреннего кармана плаща котенка и положила его прямо ей на грудь, туда, где бешено, на пределе возможностей, колотилось сердце.

Затем я перехватила ее мечущиеся руки и жестко, всем своим весом, прижала их к матрасу.

— Открой глаза, — приказала я. Мой голос не был громким, но в нем прозвучала та самая ледяная, вековая властность, которую я унаследовала от Агнессы. Власть, которой подчиняется сила. — Смотри на меня.

Девочка вздрогнула. Ее веки дрогнули и распахнулись. Глаза были мутными, незрячими, зрачки расширены до предела, в них плескался животный, первобытный ужас перед тем, что с ней происходит.

— Тебе больно, потому что ты держишь это в себе, — ровно и чеканно произнесла я, буквально пригвождая ее взгляд своим, не давая соскользнуть обратно в беспамятство. — Отпусти. Ты не сгоришь. Я держу тебя. Отпускай.

Она всхлипнула, из воспаленных глаз брызнули горячие слезы.

— Страшно... — прохрипела она срывающимся голосом. — Они бить будут... за то что сломала...

«Господи, ребенок сгорает заживо, а боится пьяного ремня», — меня кольнула острая, злая жалость к этому переломанному маленькому человеку.

— Плевать на них, — я чуть склонилась к ней, чеканя каждое слово. — Их здесь нет. Отпускай!

И она сдалась. Разожжала внутренние тиски.

Воздух в комнате хлопнул, как при резком перепаде давления в самолете. Из девочки плеснуло такой волной сырой, неконтролируемой магии, что у меня на секунду заложило уши, а мутная лампочка под потолком жалобно звякнула и замерцала.

Но магия не ударила в стены, не стала крушить мебель. Черный котенок на ее груди внезапно распахнул желтые глаза. Он разинул крошечную пасть и втянул в себя этот излишек хаоса, как сухая, растрескавшаяся земля жадно впитывает первый ливень. Он зашипел, выгнув спину. Его шерсть прямо на глазах стала плотнее, приобретая глянцевый, глубокий блеск, а истощенное тельце налилось упругой, хищной силой.

Контур замкнулся. Привязка состоялась.

Жар под моими ладонями начал стремительно спадать, сменяясь прохладным потом. Пунцовый цвет лица девочки поблек, уступая место болезненной, изможденной бледности. Дыхание выровнялось.

Она обмякла на подушках, часто моргая и слабо, удивленно глядя на черный комок, который теперь умиротворенно топтался по ее ключицам, издавая тихое, вибрирующее урчание. Девочка неуверенно подняла дрожащую руку и коснулась гладкой черной шерсти. В ее расширенных глазах остаточный страх медленно сменялся странным, затаенным восторгом. Она впервые в своей жизни почувствовала, что больше не одна в этой грязной квартире.

— Вот и всё, дыши, — я отпустила ее руки, плавно восстанавливая свой ментальный щит до привычного состояния. — С днем рождения, маленькая ведьма.

Я позволила себе короткую, едва заметную улыбку. Девочка дышала ровно, ее пальцы, еще минуту назад скрюченные судорогой, теперь осторожно поглаживали глянцевую шерсть задремавшего на ее ключицах котенка. Самое страшное позади.

Я настолько сфокусировалась на выравнивании чужого фона, что почти перестала воспринимать периферию этой убогой комнатухи.

Легкий шорох. Даже не звук, а едва уловимое изменение в натяжении пространства.

Я плавно повернула голову. В самом темном углу, между продавленным шкафом с отваливающейся дверцей и облезлой стеной, сидел ребенок. Еще одна девочка, лет пяти. Она обхватила худыми руками острые коленки и смотрела на меня огромными, неправдоподобно светлыми глазами, в которых отражался тусклый свет желтой лампочки.

В комнате повисла вязкая тишина, нарушаемая только сиплым храпом из кухни.

Малышка шмыгнула носом, чуть сильнее вжалась в свой угол и выдала тоненьким, дрожащим шепотом:

— Вы... вылечили ее? Вы... фея?

Моя безупречная выдержка, выточенная годами практики и светских бесед за зеленым сукном, на секунду дала сбой. Я моргнула.

«Ага. Конечно, — мысленно отозвался мой внутренний голос, сочась мрачным ядом. — Добрая фея. Просто топор за дверью оставила, чтобы не пугать».

Я посмотрела на девочек. Старшая, на кровати, напряглась, притягивая котенка ближе к груди. Младшая в углу замерла, как пойманный в клетку зверек. От них обеих волнами исходил густой, липкий страх — горьковатый на вкус, пахнувший старой пылью и отчаянием. Они не верили мне. Они вообще не привыкли верить взрослым, особенно тем, кто появляется посреди ночи в длинном черном плаще и прижимает руки к кровати.

Я чуть сменила позу, намеренно расслабляя плечи. Сняла с лица ту жесткую, давящую маску, которой только что гасила чужой магический пожар, и уперлась ладонями в колени. Нужно было сбавить градус.

— Нет. Я не фея, — спокойно ответила я, глядя на замершую в углу малышку. — У фей крылья, дурацкие платья и привычка сыпать блестками. А я просто проходила мимо.

Девочка недоверчиво моргнула, но перестала так отчаянно вжиматься в стену. Старшая, на кровати, все еще смотрела на меня исподлобья, прикрывая ладонью черного котенка, который уже спал, свернувшись плотным горячим узлом на ее груди.

— Меня зовут Маргарита, — мой голос звучал ровно, почти по-домашнему. — А вас?

Сестры переглянулись. Этот быстрый, не по-детски цепкий обмен взглядами резанул по глазам. Так смотрят волчата, решая, укусить протянутую руку или взять еду.

— Я Марина, — глухо ответила старшая. — А там, в углу... Вика. Моя сестра.

— Хорошо, Марина. И Вика, — я кивнула, не делая резких движений. — Марина, то, что сейчас с тобой было — это не болезнь. Это проснулась сила. Но если ты из наших, почему мать не объяснила тебе, что делать, когда придет время? Почему не научила, как удержать контур?

В комнате снова повисла тишина. Тяжелая, неправильная.

Марина опустила глаза. Ее пальцы нервно затеребили грязный край серой простыни.

— Мама рассказывала мне, кто мы. Я знала, что однажды это начнется, — ее голос дрогнул, но она тут же упрямо вздернула подбородок. — Но она не успела показать, как с этим справляться. Наши мама и папа умерли. Три года назад. Мне было девять...

Пазл в голове щелкнул, собираясь в единую картину. Девять лет. Возраст, когда ребенок уже знает правду о своей крови, но еще физически не готов к первому, ломающему кости выбросу силы. Без материнской помощи она просто не знала, как сбросить давление, и держала все в себе до последнего.

— А эти... — Марина коротко, с нескрываемым презрением дернула головой в сторону двери, за которой продолжался пьяный свистящий храп, — это опекуны. Нас из детдома забрали. Из-за пособия.

Мой внутренний щит, эта темная, непроницаемая зеркальная гладь, остался неподвижным, но где-то на самом дне, под толщей воды, беззвучно сдетонировал заряд.

Я медленно перевела взгляд с Марины на пятилетнюю Вику. Чуть сместила фокус, не выпуская свою магию наружу, а просто всматриваясь в узоры их нитей.

У обеих — один и тот же глубокий резонанс. Густая, тяжелая сила, скрытая под бледной кожей.

Две ведьмы. Родные сестры.

Две девочки с нашей силой провалились в трещины человеческой системы. Оказались в обычном детдоме, а потом их швырнули в эту зловонную, проспиртованную яму к чужим людям.

Вкус этого открытия горчил на языке старым железом. Я смотрела на худую Марину, отчаянно защищающую своего фамильяра, на съевшую Вику, слушала сытый пьяный храп из-за стены и чувствовала, как внутри меня перегорают предохранители.

— Твою мать, — просто выдохнула я. В этой тихой, лишенной всякого пафоса фразе было столько глухой, ледяной ярости, что мутная лампочка под потолком жалобно мигнула.

Я сделала медленный вдох, загоняя гнев на самое дно своего ментального колодца. Эмоции сейчас — непозволительная роскошь.

— Когда вы ели в последний раз? — ровно спросила я, разглядывая их заострившиеся скулы.

Вика, шмыгнув носом, тихо отозвалась из своего угла:

— Утром. Тетя Лида суп оставила... в кастрюле. А Марина не ела.

— Со вчерашнего утра, — слабо подтвердила старшая. Горячка выжгла из нее все физические резервы. Сейчас, когда магия нашла выход и стабилизировалась, тело требовало восполнить потери, иначе она просто не встанет.

Я коротко кивнула, а в голове уже разворачивалась холодная, безжалостная калькуляция.

Оставить их здесь нельзя даже на час. Вызвать полицию и скорую — значит своими руками запустить механизм государственной опеки. Их снова оформят, запихнут в распределитель, начнутся суды, комиссии. Система перемелет двух маленьких ведьм, рассуждая о «благе ребенка». Искать помощи у других ведьм? Увольте. Я не доверяла никому из Московских родов настолько, чтобы отдать им в руки двух неучтенных одаренных. Бабушка сейчас в отъезде, за городом, и физически забрать их не сможет.

Значит, я забираю их сама. Прямо сейчас. Бюрократия — это проблема для людей без фантазии и ресурсов. А у меня есть и связи, и деньги, и хорошие юристы. Оформление нужных бумаг и подкуп нужных чиновников — задача на завтрашнее утро. Сегодня нужно просто исчезнуть.

— Собирайтесь, — я поднялась на ноги, отряхивая полы плаща. — Вы едете ко мне.

Сестры синхронно напряглись. Марина инстинктивно прижала к себе черного котенка, а Вика снова вжалась спиной в обои. В их глазах плескался абсолютно животный, вколоченный годами сиротства страх перед чужой взрослой инициативой. Куда ехать? Зачем? Что эта странная женщина с ними сделает?

Я не стала подходить ближе. Просто стояла, глядя на них сверху вниз, и позволила своему голосу звучать чуть мягче, без металла.

— Марина. Ты ведьма. Твоя сестра — ведьма. И я — ведьма. А мы своих не бросаем. Понятно?

Это слово, произнесенное вслух в этой грязной комнате, сработало как пароль. У старшей чуть расслабились плечи. Она закусила потрескавшуюся губу, кивнула и, пошатываясь, спустила босые ноги на ледяной линолеум.

— Вика, помоги ей, — скомандовала я, глядя, как Марина едва держится за край кровати.

Младшая вынырнула из угла и бросилась к шкафу. То, что они начали оттуда доставать, заставило меня брезгливо поморщиться. Застиранные до серости колготки в катышках, растянутые дешевые синтетические свитеры, куртки с неработающими молниями. Вся эта ветошь пахла затхлостью и чужого плеча.

Марина попыталась натянуть свитер, но руки ее не слушались, путаясь в горловине. Котенок, недовольно пискнув, перебрался ей на плечо, цепляясь крошечными когтями.

— Бросьте, — я шагнула вперед и перехватила тонкое запястье Марины, мягко забирая у нее этот хлам. — Оставьте это здесь. Наденьте только то, в чем пойдете по улице, остальное мы купим.

Они не спорили. Натянули ветхие куртки, обули стоптанные кроссовки.

— Главный вопрос, — я обвела взглядом комнату. — Ваши документы. Свидетельства о рождении, медицинские полисы, все бумаги, которые были у опекунов. Где они?

Вика вдруг оживилась. Ее светлые глаза блеснули каким-то вороватым торжеством. Она нырнула под кровать Марины, повозилась там, шурша пылью, и вытащила на свет пухлую пластиковую папку.

— Тетя Лида на прошлой неделе напилась и бросила их на кухне, — шепотом, с гордостью сообщила пятилетняя девочка, протягивая мне папку. — А я забрала и спрятала. Чтобы они нас не отдали обратно, если документы потеряют.

Я взяла пластиковый конверт, чувствуя его приятную тяжесть. Внутри лежали бордовые корочки свидетельств, какие-то выписки и договоры.

Из кухни донесся раскатистый, булькающий всхрип.

«Идеально, — моя губа дрогнула в подобии усмешки. — Из дома пропала целая папка с документами на детей, а эти генетические отходы даже не почесались».

— Умница, Вика, — я спрятала папку во внутренний карман плаща, туда, где раньше ехал фамилляр. — А теперь тихо. Идем.

Я первой вышла в узкий коридор, стараясь дышать через рот. Смесь запахов кислого пива, немытого тела и застарелого табака въедалась в слизистую. Мы бесшумно миновали открытую дверь кухни. Я даже не удостоила взглядом две расплывшиеся туши на продавленном диване.

Щелкнул кривой замок, и мы вышли в подъезд.

На улице дождь только усилился. Я достала телефон и, игнорируя крупные капли, бьющие по экрану, вызвала такси класса «бизнес». Ждать пришлось всего пять минут.

Черный гляцевый седан бесшумно притормозил у обшарпанного подъезда. Я распахнула заднюю дверцу, пропуская девочек в теплый салон, пахнувший кожей и дорогим парфюмом водителя. Марина забралась первой, бережно придерживая спящего за пазухой котенка. Вика юркнула следом, вжимаясь в мягкое сиденье и испуганно озираясь.

Я села впереди, захлопнув дверь и отсекая от нас шум дождя и этот мертвый район.

— На Покровку, — коротко бросила я водителю.

Машина плавно тронулась с места. Я смотрела в лобовое стекло, на размазанные дворниками огни ночной Москвы, чувствуя, как за спиной в тишине салона ровно бьются два маленьких сердца, чьи нити судьбы только что намертво вплелись в мою. Завтра будет долгий день. Будут звонки, будут юристы, будут удивленные вопросы.

Но сегодня они будут спать в тепле. И никто не посмеет подойти к моей двери.

Глава 4

Тишина в квартире была густой, почти осязаемой. Она пахла моим дорогим шампунем с нотами бергамота, теплым молоком и едва уловимым, терпким запахом чужой, только что стабилизированной силы.

Я прислонилась бедром к прохладной столешнице из темного камня и сделала глоток ледяной воды. Горло саднило. Последние два часа слились в непрерывный, четко выверенный алгоритм действий, где не было места рефлексии. Раздеть двух перепуганных, пропахших кислятиной и сыростью девочек. Отмыть в горячей воде, смывая вместе с грязью ввевшийся страх. Накормить горячим бульоном — медленно, по ложке, чтобы изголодавшиеся желудки не взбунтовались. Надеть на них свои майки, которые повисли на их острых плечах как палатки.

Сейчас они спали в моей спальне, на широкой кровати, сбившись в один напряженный клубок. Черный котенок, уже не напоминающий помойную крысу, свернулся тяжелым узлом на груди Марины. Кара сидела на комодике у приоткрытой двери спальни, сфинксом застыв в лунном свете. Она не сводила желтых глаз со спящих. Мы не обменивались мыслями, но по нашему контуру текло ровное, бдительное спокойствие.

Я поставила стакан на стол и разблокировала телефон. На часах час ночи. Набрала номер Агнессы.

Ба ответила почти сразу. На заднем фоне мягко шуршали страницы.

— Слушаю, Маргарита. Как прошла прогулка под дождем? — в ее голосе звучала привычная, спокойная элегантность.

— Эпицентр купирован, — ровно ответила я. — Фамильяр привязан. Но есть проблема, Ба. Девочка спит у меня в спальне. И она не одна... Их две, родные сестры. Старшей двенадцать младшей пять, резонанс силы абсолютно идентичный.

Шелест страниц прекратился.

— Вот как. Продолжай.

Никаких охов, ахов и паники. Агнесса всегда сначала собирала анамнез, и только потом выносила вердикт.

— Родители мертвы три года, — я прислонилась спиной к холодильнику. — Дети прошли через систему. Осели в маргинальной семье ради пособия. Опекуны были в глубокой алкогольной коме, когда я уводила девочек. Я забрала обеих. И все их документы тоже. Оригиналы у меня на столе.

В трубке повисла короткая, обдумывающая пауза.

— Ты все сделала верно, — спокойно и веско произнесла Бабушка. — Оставить двух неоперенных с даром в такой грязи — непозволительно. Молодец, что забрала бумаги.

Я неслышно выдохнула. Одобрение бабушки было мне сейчас необходимо, как твердая земля под ногами.

— Вопрос в том, что нам теперь с этим делать, Ба. Я взяла на себя ответственность, но это коснется нас обеих. Я блин, детей по сути похитила.

— Разобраться с человеческой бюрократией — раз плюнуть, — Агнесса отмахнулась от этой проблемы так легко, словно речь шла о покупке хлеба. — Деньги и хорошие юристы решат вопрос с опекой. Эти маргиналы сами подпишут любые отказы, Гуревич умеет быть очень убедительным. Меня заботит другое. Чья в них течет кровь?

Я прикрыла глаза, понимая, к чему она клонит.

— Если мы забрали детей из чужого рода...

— Именно, — голос Бабушки стал деловым и жестким. — Если это потерявшиеся наследницы кого-то из старых семей, и мы оформим их на себя без предупреждения — может

начаться полноценная свара. Иные не любят, когда трогают их кровь. Нам нужно выяснить, как две девочки с даром вообще попали к людям и почему их никто не искал.

— Я могу попробовать...

— Нет. Эту информацию я раскопаю сама, — отрезала Агнесса. — Твое дело сейчас — безопасность. Прямо сейчас открой эту папку, сделай сканы всех документов, от свидетельств о рождении до медицинских полисов, и пришли мне. Пара дней, и у меня будут новости.

Я включила верхний свет и потянулась к папке.

— Ба, — я чуть понизила голос, глядя на темный коридор, ведущий в спальню. — А если там пусто? Если их вообще некому искать, и они последние в своей линии? Что тогда?

— Тогда, — тон Агнессы был абсолютно ровным, без единой ноты сомнения, — наш небольшой род пополнится двумя ведьмами. Нужно будет, конечно, узнать, каков их истинный дар, но с этим я разберусь. На улицу мы их не выбросим.

Слова прозвучали как приговор, обжалованию не подлежащий.

— Поняла.

— Итак, твои действия, — Бабушка начала раздавать инструкции с четкостью генерала перед наступлением. — Сейчас ты идешь спать. Утром с тобой свяжется наш адвокат. Вам нужно будет встретиться, передашь ему копии. Но, чтобы не светить детей в городе, он приедет прямо к тебе на квартиру.

— Хорошо.

— А я завтра с утра покупаю билеты и возвращаюсь в Москву, — добавила она. — Ситуация нестандартная, нужно действовать быстро и на месте. Из Греции такие дела не решаются. Все, Марго. Выдохни. Мы всё решим.

Связь прервалась. Я посмотрела на погасший экран, затем открыла папку и принялась методично фотографировать документы. Завтра будет долгий день, но впервые за эту ночь я почувствовала, что стою на твердой земле и у нас есть план. Уже что-то.

Я никогда не просыпаюсь от шума. Но чужой, цепкий взгляд работает лучше любого будильника. Пространство вокруг чуть уплотняется, заставляя инстинкты мягко вынырнуть из сна.

Я открыла глаза.

В сером, размытом свете октябрьского утра, забившись в глубокое кожаное кресло напротив дивана, сидела Вика. Она подтянула острые коленки к самому подбородку, плотно обхватив их худыми руками. Моя белая хлопковая майка висела на ней мешком, делая пятилетнюю девочку похожей на нахохлившегося, перепуганного воробья. Светло-русые волосы торчали во все стороны легким пухом, а неправдоподобно светлые глаза смотрели на меня со страхом и перемешку с интересом.

Вчерашний адреналин сошел на нет, и теперь ее накрыло осознанием. Еще сутки назад она жила в пропахшей кислятиной квартире, слушая пьяный храп опекунов. Вчера ее сестра заживо сгорала на продавленной кровати. А ночью пришла незнакомая женщина в черном плаще, прижала Марину к матрасу и увезла их обеих в чужой дом. Для ребенка, чья жизнь с двух лет состояла из казенных стен детдома и маргинальной ямы, моя тихая, чистая квартира была не спасением, а пугающей неизвестностью. Она сидела в кресле и ждала, когда закончится сказка и начнется привычная жестокость.

Компанию ей составляли фамилеры. Кара сидела на подлокотнике Викиного кресла, свернув хвост идеальным кольцом, и немигающе гипнотизировала ребенка желтыми глазами. А в ногах, на ковре, растекся рыжей пушистой лужей бабушкин Федоил, изредка подергивая ухом. Они не проявляли агрессии, просто взяли нового человека в плотный наблюдательный контур.

Я скосила глаза на электронные часы. Зеленые цифры показывали ровно семь.

— Доброе утро, — негромко, чтобы не напугать ее резким звуком, произнесла я и села на диване. Тело отозвалось глухой болью в затекших мышцах. — Ты чего так рано проснулась?

Вика чуть сильнее вжалась в спинку кресла.

— Я всегда рано, — ее голосок дрогнул, но в нем проскользнула выточенная системой, прагматичная хитринка. — Если долго спать, тетя Лида ругалась. И можно было без завтрака остаться.

Она не жаловалась. Просто озвучивала правила выживания в своем мире.

— Тетя Лида здесь больше не командует, — я спустила ноги на холодный паркет и потерла лицо ладонями. — А завтрак никуда не сбежит. Как Марина?

— Спит, — Вика шмыгнула носом. — Очень крепко. Я ее звала, а она даже не пошевелилась. Кот тоже спит.

— Пусть спит, — я кивнула, прекрасно понимая физиологию процесса. После такого дикого, неконтролируемого выброса силы и мгновенной привязки фамильяра организм Марины выжжен дотла. Она проспит минимум до вечера, восстанавливая резервы. Трогать ее сейчас нельзя. — Ей нужно набраться сил.

Я встала в полный рост. Девочка напряглась, следя за каждым моим движением.

— Так, — я постаралась придать голосу максимально будничную, спокойную интонацию, без сюсюканья, которому она все равно не поверит. — Первая дверь по коридору направо — ванная. Иди умывайся. Там есть подставка у раковины, чтобы ты достала до крана. Полотенце возьми маленькое, серое. Справишься?

Вика с сомнением посмотрела на коридор, потом на меня, но спорить не стала. Осторожно сползла с кресла и, путаясь в подоле огромной майки, бесшумно потопала в ванную.

Я проводила ее взглядом и ушла на кухню. Октябрьское утро за окном хмурилось, по стеклу ползли косые нити мелкого дождя. Я щелкнула кнопкой чайника и распахнула холодильник.

Полки встретили меня привычным минимализмом: кусок бри, банка оливок, начатая бутылка сухого вина, яйца и пара йогуртов. Еда свободной женщины, не обремененной готовкой.

Я глухо выдохнула, закрывая дверцу. Нужно срочно покормить этого напуганного воробья нормальной человеческой едой. И решить вопрос с вещами.

Достав телефон, я открыла приложение доставки. Пока чайник закипал, я начала быстро накидывать в виртуальную корзину продукты: овсянку, молоко, нормальный сыр, яблоки, куриный бульон для Марины. Следом переключилась на магазин одежды. Детские спортивные костюмы, хлопковые пижамы, белье, футболки, зубные щетки.

Я подтвердила оплату корзины, смахнула приложение и положила телефон на прохладную столешницу. Зеленая кнопка на чайнике щелкнула, оповещая, что вода закипела.

Краем глаза я уловила движение. Вика стояла на пороге кухни, переминаясь с ноги на ногу на холодном паркете. Моя белая майка спадала с ее плеча, делая девочку похожей на маленькое, настороженное привидение. Она не решалась переступить невидимую черту, отделяющую темный коридор от светлой, пахнущей кофе и чистящими средствами территории. В ее мире кухня чужого дома, вероятно, была зоной повышенного риска.

— Проходи, садись, — я кивнула на высокий стул у кухонного острова, доставая из шкафчика небольшую керамическую чашку.

Девочка осторожно шагнула вперед. Забралась на стул, подтянула голые коленки к груди и замерла, сложив руки на столешнице.

Я бросила в чашку пакетик ромашкового чая, залила кипятком на половину, а затем щедро разбавила холодной фильтрованной водой. Детские ожоги языка мне сейчас были ни к чему. Поставила перед ней теплую кружку, придвинула баночку черничного йогурта и выудила из недр ящика забытую пачку овсяного печенья.

— Яичницу будешь? — спросила я, открывая холодильник и доставая лоток с яйцами.
— Могу пожарить.

Вика посмотрела на плиту, потом на яйца, и вдруг смешно, совершенно по-детски сморщила нос. Вся ее детдомовская настороженность на секунду дала трещину.

— Не хочу, — она мотнула головой.

— Почему? Аллергия?

— Нет. Они склизкие, — безглаголиво пояснила Вика, ковыряя фольгу на баночке йогурта.
— Белок трясется, как сопли. Не вкусно.

Я чуть приподняла бровь, пряча усмешку, и убрала лоток обратно на полку. Никаких глубоких травм, просто классическая пятилетняя безглаголивость. Уже неплохо.

— Справедливо, — согласилась я, протягивая ей чайную ложку. — Ешь йогурт.

Вика вцепилась в ложку и принялась методично, без суеты отправлять черничную массу в рот. Ела она аккуратно, но с той затаенной скоростью, которая выдавала привычку — не съешь быстро, отберут.

В этот момент идиллию нарушил звук когтей по паркету. В кухню, тяжело переваливаясь, вкатился Федоил. Рыжий кот остановился ровно посередине помещения, задрал морду и выдал требовательное, хрипкое «Мя-я-а-у», больше похожее на скрип несмазанной дверной петли. Следом, совершенно бесшумно, появилась Кара. Она легко запрыгнула на пустой стул рядом с Викой, села столбиком и выжидательно уставилась на меня желтыми глазами.

Вика замерла с недонесенной до рта ложкой. Федоил, решив, что его игнорируют, подошел к холодильнику и боднул его необъятным боком.

— Поняла, не орите, — я открыла нижний ящик. — Завтрак подается.

Кара получила свой любимый паштет из индейки, а в миску Федоиля с сухим стуком посыпался диетический корм для стерилизованных котов. Рыжая туша подошла к тарелке, понюхала гранулы, презрительно дернула ухом и с осуждением посмотрела на меня.

— Даже не начинай, — я налила себе кофе. — Бабушка сказала, никакой контрабанды. Ешь, что дают.

Вика переводила замороженный взгляд с лысой кошки, аккуратно слизывающей паштет, на рыжего гиганта, который с кряхтением все-таки начал грызть свой невкусный завтрак. Напряжение в ее худых плечах немного спало.

Я оперлась бедром о столешницу, делая глоток горького кофе.

— Скоро приедет курьер, — будничным тоном сообщила я. — Привезет продукты, зубные щетки и нормальную одежду, чтобы вам не пришлось ходить в моих майках. Чуть позже приедет юрист, привезет бумаги. Если у тебя есть вопросы — задавай сейчас.

Вика положила пустую ложку в баночку. Посмотрела на кошку, на свои худые руки, прячущиеся в длинных рукавах, и наконец подняла на меня свои неправдоподобно светлые глаза. Детская непосредственность снова исчезла, уступив место цепкому, холодному ожиданию подвоха.

— А что с нами будет? — ее голос прозвучал тихо, но без дрожи. — Вы нас обратно в детдом отдадите? Или... другим тете и дяде?

Ребенок не плакал и не просился к сестре. Она просто сидела на высоком стуле, болтая босыми ногами, и пыталась понять правила игры в этом новом, пугающе чистом мире, где есть горячий чай и лысые кошки, но нет никаких гарантий на завтра.

Я сделала еще один глоток кофе, чувствуя, как горечь оседает на языке. Вопрос был прямым, и ответить на него нужно было так же прямо. Проблема заключалась лишь в том, что я сама пока видела наше будущее исключительно в общих чертах.

Что сказать ребенку, чье доверие к миру было выжжено еще до того, как она научилась читать? Сказки про добрых фей здесь не сработают. Ей нужны железобетонные гарантии.

— Я пока не знаю всех деталей, Вика, — спокойно ответила я, глядя ей в глаза. — Но я точно знаю, как мы будем действовать. Сначала приедет юрист. Это такой специальный человек, который сделает так, чтобы по документам те люди, у которых вы жили, больше не имели к вам никакого отношения. Вы для них исчезнете.

Девочка замерла, впитывая каждое слово.

— Потом приедет моя бабушка, — продолжила я. — Она главная в нашей семье. Мы попробуем найти ваших настоящих родственников. Тех, кто одной с нами крови.

— А если их нет? — тихо спросила Вика. По ее тону было ясно: она привыкла к тому, что никого нет.

— Значит, будем решать проблему по-другому, — я поставила кружку на стол. — Но я могу пообещать тебе одну вещь. Что бы ни случилось, ни в какой детдом и ни в какие грязные квартиры вы больше не вернетесь. Этого не будет. Я понятно объясняю?

Вика смотрела на меня долгих несколько секунд. В ее светлых глазах происходила сложная, взрослая калькуляция. Она взвешивала мой тон, спокойную обстановку на кухне, сытых котов и полное отсутствие агрессии. Наконец, она коротко, но твердо кивнула. Договор был заключен.

Около восьми утра тишину квартиры разорвал короткий звонок домофона. Япустила курьера, вышла на лестничную клетку и забрала у запыхавшегося парня три объемных бумажных пакета.

Вернувшись на кухню, я водрузила пакеты на остров. Вика тут же вытянула шею, с любопытством заглядывая за край крафтовой бумаги, но с места не сдвинулась.

— Так, держи, — я вытащила из первого пакета стопку детской одежды в прозрачных шуршащих упаковках. Сверху лежал мягкий серый спортивный костюм ее размера и пара футболок. — Иди в ванную, переоденься. Майку можешь бросить прямо там, в корзину для белья.

Вика осторожно взяла вещи. Ткань была новой, пахла фабричной краской и хлопком. Девочка прижала стопку к груди и, больше не задавая вопросов, бесшумно скрылась в коридоре.

Я принялась методично распахивать продукты. Пакет молока, сыр, овощи — в холодильник. Яблоки — в металлическую корзинку на столе. Овсянку и печенье — в шкафчик. Эта простая, человеческая рутина всегда отлично заземляла, помогая выровнять мысли. Рядом на столешнице легла вторая стопка одежды, побольше — для Марины, когда та наконец придет в себя.

Мой телефон, лежавший рядом с яблоками, коротко завибрировал, высветив на экране незнакомый номер.

Я смахнула иконку ответа.

— Маргарита? Доброе утро, — голос в трубке был сухим, хорошо поставленным и лишенным лишней эмоций. — Лев Гуревич.

— Доброе утро, Лев Борисович.

— Агнесса Эдуардовна связалась со мной пару часов назад и ввела в курс дела, — перешел он сразу к сути. Никаких расшаркиваний и вопросов о погоде. За это Бабушка и платила ему такие деньги. — Я подготовил предварительный пакет документов на основе тех данных, что вы ей прислали. Ситуация нестандартная, но рычаги давления на текущих опекунов у нас есть. Я буду у вас ровно в девять утра, чтобы мы могли обсудить стратегию.

— Жду, — коротко ответила я. — Чай, кофе?

— Черный кофе, без сахара. До встречи.

Я положила телефон на стол. Девять утра. Времени как раз хватит, чтобы сварить нормальный кофе и убрать с лица следы бессонной ночи. Шаги в коридоре заставили меня обернуться.

На пороге кухни стояла Вика. Серый спортивный костюм сидел на ней немного свободно, но это были чистые, теплые и, главное, ее собственные вещи. Она закатала рукава свитшота и неуверенно посмотрела на меня, словно ожидая оценки.

— Отлично выглядишь, — я одобительно кивнула. — Садись, сейчас допьешь свой чай. У нас скоро гости.

Глава 5

Чтобы выкроить немного времени для себя, я усадила Вику на диван в гостиной и включила телевизор. Огромная плазменная панель послушно мигнула, выдавая красочный мультфильм про каких-то суетливых зверей. Девочка подобрала под себя ноги в новых штанах и замерла, не отрывая взгляда от экрана. Вряд ли в квартире ее опекунов вообще был работающий телевизор без помех.

Оставив ее в покое, я скользнула в ванную. Быстрый горячий душ смыл остатки ночного адреналина и въевшийся запах чужого проспиритованного горя. Я накинула чистый домашний костюм, собрала влажные волосы в тугий узел на затылке и вернулась на кухню. Щелкнула кнопкой кофемашины, подставляя чашку под дозатор. Аромат свежемолотых зерен наконец-то перебил фантомный запах жженой магии, стоявший у меня в носу со вчерашнего вечера.

Звонок в дверь раздался минута в минуту. Девять ноль-ноль.

Лев Борисович вошел в мою прихожую, принес с собой запах сырого московского утра, дорогого парфюма и тяжелой, уверенной респектабельности. Ему было за пятьдесят. Идеально посаженный темно-синий костюм, стальной взгляд и объемный кожаный портфель. Он не был Иным. Обычный человек, чья аура читалась ровным, скучным серым фоном — ни искры магии, только голый, отточенный десятилетиями юридический прагматизм.

Ему было абсолютно плевать, зачем Агнессе Эдуардовне понадобилось вытаскивать двух детей из спального района. Он не задавал вопросов о морали. Ему щедро платили за то, чтобы законы изящно огибали интересы нашей семьи.

— Проходите, Лев Борисович, — я забрала его влажный зонт. — Кофе только сварился.

— Благодарю, Маргарита, — он прошел к кухонному острову, методично щелкнул замками портфеля и извлек распечатки. Взгляд его темных глаз скользнул по гостиной, зацепив макушку Вики, торчащую из-за спинки дивана, но лицо юриста осталось непроницаемым.

Я поставила перед ним чашку черного кофе, а себе налила воды с лимоном.

— Итак, — адвокат сделал глоток, пробегаясь глазами по бумагам, которые я прислала ему ночью. — Смирновы Марина и Виктория. Фамилия самая рядовая, никаких громких связей не прослеживается. Документы подлинные. Ситуация нестандартная из-за спешки, но план действий я уже набросал.

— Вы пробрили опекунов? — я прислонила к столешнице. — Я не понимаю, Лев Борисович, как им вообще отдали детей. Там же классическая маргинальная яма.

— Никто не отдает детей в яму целенаправленно, — философски отозвался юрист, доставая гладкую металлическую ручку. — Система просто несовершенна. Они не пьют круглыми сутками, Маргарита. Классические запойные. Скорее всего, когда они оформляли опеку, у них был период ремиссии. Проветрили квартиру, спрятали бутылки, создали видимость благополучной ячейки общества.

Он постучал ручкой по краю стола.

— А что касается проверок от органов опеки... Бюрократия. У инспектора по триста детей на участке. Вероятнее всего, она была у них пару лет назад, убедилась, что дети живы, а дальше просто писала отчеты, не выходя из кабинета. Бумага всё стерпит.

— И что теперь? — меня меньше всего волновали проблемы районных инспекторов.

— Мои люди прямо сейчас едут по их адресу, — Лев Борисович сухо усмехнулся. — Мы предложим им сумму, эквивалентную их пособиям за год, в обмен на добровольный отказ от опекуинства. Мои люди умеют убеждать. Подпишут не глядя. А в саму опеку я поеду лично, после обеда. У меня там... скажем так, есть рычаги влияния. Детей переведут под патронаж Агнессы Эдуардовны, по документам она вдова, а вы не замужем.

Я кивнула. Идеально. Никаких социальных работников, сующих нос в мою квартиру. Смирновы... Фамилия мне действительно ни о чем не говорила. Ладно, бабушка разберется.

— Спасибо, Лев Борисович.

— Это моя работа, — он сложил бумаги обратно в стопку. — Но есть один бытовой нюанс, который нам нужно закрыть немедленно.

Он поднял на меня взгляд, и в его глазах появилось выражение легкой деловой озабоченности.

— Младшая, как я понимаю, в сад не ходила. А вот старшая, Марина. Ей двенадцать. В какую школу она зачислена? Мне нужен номер учебного заведения и класс.

— Зачем?

— Потому что сегодня пятница, — терпеливо, как ребенку, пояснил адвокат. — Девочка не пришла на уроки. В нормальной школе классный руководитель к обеду начнет звонить опекунам. Опекуны либо не возьмут трубку, либо наговорят пьяного бреда. Если школа до выходных подаст сигнал о прогуле неблагополучного ребенка в социальную службу, это запустит лишнюю цепочку проверок, которая нам сейчас совершенно не нужна. Мне нужно прямо сейчас позвонить директору от вашего имени, представиться юристом семьи и сообщить, что ребенок заболел и находится на обследовании. Справку мы сделаем. Так какая школа?

В кухне повисла звенящая, вязкая тишина. Лишь откуда-то из гостиной доносился писклявый голос мультяшного героя.

Я смотрела на Гуревича, а в голове стремительно осыпался мой безупречный карточный домик.

Твою мать.

Школа.

Я вытащила девочек из притона, подавила магический пожар, обошла систему и спрятала неучтенную древнюю кровь. Я мыслила категориями энергетических контуров и выживания.

Но я совершенно, абсолютно, ни на секунду не подумала о том, что двенадцатилетние дети по утрам должны сидеть за партой. Я понятия не имела ни о номере школы, ни о классе, ни о том, где вообще лежат ее тетради.

Лев Борисович вопросительно приподнял бровь, ожидая ответа.

Я выдержала паузу ровно настолько, чтобы мой внутренний провал не отразился на лице. Годы практики за зеленым сукном научили меня держать покерфейс даже тогда, когда хотелось с размаху удариться лбом о каменную столешницу. Ирония судьбы: я могу распутать нити чужой лжи, но спотыкаюсь о банальное расписание уроков.

— Одну минуту, Лев Борисович, — ровно произнесла я и, отставив стакан с водой, сделала несколько шагов к арке гостиной.

Вика сидела все в той же позе, залитая пульсирующим синеватым светом от экрана.

— Вика, — позвала я негромко.

Девочка вздрогнула и повернула ко мне голову. В ее глазах еще плясали мультяшные блики.

— Ты случайно не помнишь, в какую школу ходит Марина? Номер и класс?

Ее лоб смешно наморщился. Дети, выросшие в системе, обладают специфической, очень цепкой памятью на цифры и адреса — это часть их механизма выживания. Она беззвучно пошевелила губами, словно сверяясь со своим внутренним архивом.

— Школа тысяча двести... пятнадцать, — наконец выдала она с поразительной уверенностью. — Это которая кирпичная, за серыми гаражами. Шестой «В». У нее там еще математичка злая.

— Спасибо. — я ободряюще кивнула и вернулась на кухню.

Лев Борисович даже не стал переспрашивать. Он уже записывал названные цифры своей тяжелой металлической ручкой на полях распечатки.

— Шестой «В», школа тысяча двести пятнадцать, — пробормотал он себе под нос, ставя жирную точку.

Ручка исчезла во внутреннем кармане пиджака, следом в портфель отправились бумаги. Замки шелкнули с сытым, дорогим звуком — так захлопывается ловушка, из которой у районной опеки уже не будет шансов выбраться. Адвокат поднялся, привычным жестом застегивая пуговицу костюма.

— Будем на связи, Маргарита, — его тон стал еще более собранным и деловым. — Процесс запущен, но бюрократическая машина неповоротлива, так что все займет какое-то время. Не переживайте и не делайте резких движений. Со школой я вопрос улажу в течение часа.

— Я полагаюсь на вас, Лев Борисович. Проводить?

— Не стоит, я найду выход. Хорошего дня.

Он коротко кивнул и направился в прихожую. Через полминуты входная дверь мягко, но веско закрылась за ним, отрезая мою квартиру от внешнего человеческого мира с его школами, социальными службами и законами.

Я осталась одна. Если, конечно, не считать спящей в спальне юной ведьмы, бодрствующего на диване пятилетнего ребенка и фамильяров, один из которых был диким, как ночной кошмар.

Оставшись одна, я выдохнула. Тишина квартиры, нарушаемая только невнятным бормотанием телевизора из гостиной, давила непривычной тяжестью. Я подошла к кухонному острову, вытащила из пакетов купленные овощи и курицу, и достала тяжелую разделочную доску.

Мне нужно было заземлиться. Магия — это прекрасно, интриги древних родов — еще лучше, но прямо сейчас в моей спальне спал истощенный ребенок, а на диване сидел второй. Им нужна была обычная, плотная, горячая еда, а не энергетические пассы руками.

Ритмичный, глухой стук ножа по дереву успокаивал. Я резала морковь, чистила картофель, слушала, как закипает вода в кастрюле. Простые, монотонные действия выравнивали сбившееся дыхание и возвращали мысли в четкое, прагматичное русло. Запах крепкого куриного бульона поплыл по кухне, вытесняя последние отголоски вчерашней маргинальной ямы.

Где-то около полудня экран лежащего на столе телефона коротко вспыхнул.

Сообщение от Агнессы.

«Рейс через час. Вылетаю из Афин. К вечеру буду у тебя. Никакой самостоятельности до моего приезда».

Я чуть заметно улыбнулась, помешивая суп. Отлично. Тяжелая артиллерия в лице старшей ведьмы рода возвращалась на базу. С этого момента политические игры с возможными родственниками девочек и урегулирование нашего статуса переходили в ее изящные, но безжалостные руки.

К двум часам дня бытовая часть моей внезапно расширившейся жизни была улажена. Вика съела тарелку супа — аккуратно, быстро, не проронив ни капли на стол, с той пугающей дисциплиной, которую вбивают в детдомах. Марина всё еще спала, не меняя позы, словно провалилась в кому. Я лишь заглянула в спальню, убедилась, что ее дыхание ровное, а черный котенок всё так же греет ее грудную клетку, и прикрыла дверь.

На сегодня у меня был записан один клиент. Запись на три часа.

Я переоделась в рабочее: широкие черные брюки, тяжелая шелковая блуза цвета темного графита. Никаких вычурных амулетов, только золотая змейка Славы на левом запястье.

Перед тем как выйти, я присела на корточки в коридоре. Кара и Федоил материализовались из теней почти мгновенно.

— Я на работу, — тихо сказала я, глядя в льдисто-желтые глаза своей кошки. По нашему внутреннему контуру скользнул приказ, не терпящий возражений: абсолютный контроль периметра. — Никого не впускать. Девочек не пугать. При малейшем всплеске чужой магии — транслируешь мне.

Кара коротко дернула голым ухом, принимая команду. Федоил же просто тяжело вздохнул, сел на коврик у входной двери и прикрыл глаза, всем своим видом показывая, что пост сдал, пост принял.

Я вышла на лестничную клетку, дважды повернула ключ в замке двенадцатой квартиры и сделала те самые два шага, отделяющие мою личную жизнь от рабочих.

Тринадцатая квартира встретила меня запахом старой бумаги, воска и тонким ароматом сандала. Я прошла в кабинет, включила приглушенный нижний свет и опустилась в тяжелое кожаное кресло. Мой ментальный щит — плавно встал на место, отрезая тревоги за спящих за стенкой детей. Я сдвинула колоду Таро на середину зеленого сукна, слушая сухой шелест картона.

Маска проницательной жрицы легла на лицо привычно и комфортно. Я была готова распутывать чужие человеческие драмы.

Телефон на краю стола завибрировал.

Не клиент. Короткое сообщение в мессенджере.

Я скосила глаза на экран.

Слава: «На вечер ничего не планирую. Открылся новый ресторан на Тверской, столик забронирован. Заеду за тобой в восемь».

В этом был весь Мирослав Огнев. Никаких вопросительных знаков. Никаких «как твои дела?» или «ты свободна?». Просто ставил меня перед фактом. Он видимо искренне считал, что моя жизнь — это удобная, предсказуемая декорация, и по умолчанию выделил в ней себе главное место. Паритет паритетом, но его территориальный инстинкт видимо диктовал свои правила.

Золотая змейка на моем правом запястье мягко блеснула в свете лампы.

Мои губы сами собой растянулись в тонкой, откровенно стервозной усмешке. Кажется, кто-то слишком привык к моей покладистости в последние недели. Он влил в меня свою силу, заявил права, и теперь, видимо, решил, что я буду послушно сидеть у окошка, ожидая, когда господин соизволит вывезти меня в свет.

«Ну уж нет, — подумала я, чувствуя, как внутри просыпается холодный ведьмовской азарт. — Хватит играть в послушную девочку».

Я взяла телефон и быстро набрала ответ:

«Ты опоздал. Мой вечер на сегодня уже спланирован. Приятного аппетита».

Никаких оправданий. Никаких «прости, котик, давай в другой раз» или объяснений про приезд бабушки.

И ровно в эту секунду в прихожей тринадцатой квартиры раздался робкий, нерешительный звонок.

Клиент. Вовремя.

Пиликнула сообщение. Я лишь мельком глянула в телефон — короткое «Жаль» от Славы висело в уведомлениях. Отлично. Экран погас, отправившись в карман, и на этом личная жизнь была задвинута на задний план.

Маска проницательного таролога встала на место. Я поправила манжеты графитовой блузы и мягко произнесла в пустоту коридора:

— Открыто. Проходите.

Глава 6

Чужие человеческие драмы — отличное средство для переключения фокуса. Я виртуозно провела клиентку по лабиринту ее собственных страхов, разложила карты, задала правильные вопросы и, получив перевод на карту, с легким сердцем закрыла за ней дверь.

Магия тринадцатой квартиры осталась позади. Я сделала два шага по лестничной клетке, повернула ключ и вернулась в свою личную реальность.

В гостиной работал телевизор, приглушенный почти до минимума. Вика спала. Она свернулась калачиком на диване, подложив ладошки под щеку, и дышала ровно и глубоко. Телевизор был ей не интересен — он просто заменял ей белый шум, создавая иллюзию присутствия взрослых. Я сняла с кресла плед, невесомо накинула на девочку и прошла дальше по коридору.

В спальне пахло моим парфюмом, чистым постельным бельем и едва уловимо — озоном, остаточным следом вчерашней магической грозы.

Я тихо приоткрыла дверь. Марина больше не спала. Она сидела на кровати, подтянув колени к груди, и пустым, расфокусированным взглядом смотрела в стену. Черный котенок, за ночь увеличившийся в размерах раза в полтора и потерявший всякое сходство с помойным заморышем, лежал на ее коленях. Услышав скрип двери, он мгновенно вскинул голову и уставился на меня немигающими желтыми глазами, глухо, предупреждающе заурчав.

Марина вздрогнула и перевела взгляд на меня. В ее глазах на секунду мелькнула паника — инстинкт сиротской жизни, ожидание удара.

— Выспалась? — я спокойно прислонилась плечом к косяку, не делая попыток подойти ближе. Давление нужно было снимать постепенно.

Она судорожно сглотнула и кивнула. Пальцы с обгрызенными ногтями вцепились в черную шерсть фамильяра. — Где мы? — ее голос хрипел от долгого сна и вчерашних криков. — Опекуны... они будут нас искать. Если мы сбежали, они вызовут полицию. Нас вернут.

Я оттолкнулась от косяка, прошла в комнату и присела на край широкого подоконника, сложив руки на груди. Никаких утешающих поглаживаний. Ей нужна была твердая опора, а не жалость.

— Никто вас не вернет, Марина. И полицию никто не вызовет, — мой голос звучал ровно, чеканя каждое слово. — Утром у меня был мой юрист. Прямо сейчас ваши бывшие опекуны уже подписали добровольный отказ и передали документы на вас. Они получили за это деньги и, вероятно, сейчас пьют за ваше здоровье. Для них вы больше не существуете.

Она замерла. Взгляд метнулся к моему лицу, пытаясь найти подвох, фальшь, привычный обман взрослых. — Так не бывает, — прошептала она. — Из системы так просто не уходят. — Из человеческой системы — возможно. Но вы больше не играете по их правилам, — я чуть склонила голову. — Я сказала тебе вчера. Мы своих не бросаем. Ты и твоя сестра теперь под защитой моего рода. Это не обсуждается и не подлежит пересмотру. Выдохни.

В комнате повисла тишина. Котенок на ее коленях перестал урчать и принялся вылизывать лапу, транслируя хозяйке мое спокойствие по их внутреннему контуру. Марина медленно разжала пальцы. Плечи под моей огромной белой футболкой опустились. В ее глазах блеснули слезы, но она упрямо заморгала, не давая им пролиться.

— Голова кружится? — спросила я, меняя тему. — Немного. И слабость сильная. — Это откат, — кивнула я. — Ты сожгла массу энергии, пока держала силу в себе. Тебе нужно есть. Много и сытно, чтобы восстановить физический резерв, иначе магия начнет жрать твои мышцы. Вставай. Пойдем на кухню.

Она послушно спустила босые ноги на паркет. Котенок тут же спрыгнул следом, путаясь у нее под ногами, как черная привязанная тень.

На кухне я усадила Марину за остров и поставила перед ней глубокую тарелку горячего куриного бульона с мясом и гренками. Девочка взяла ложку, и я увидела, как дрожат ее руки. Она начала есть — сначала осторожно, потом всё быстрее, подчиняясь первобытному голоду выжженного тела.

— Ему тоже нужно, — Марина вдруг остановилась, опустив ложку. Она посмотрела на котенка, который сидел у ножки стула и сверлил меня тяжелым взглядом. — Я чувствую, что он хочет есть. Прямо здесь, — она коснулась пальцами своей груди.

— Разумеется. Вы теперь одно целое, — я достала из холодильника баночку премиального кошачьего паштета, открыла и выложила в небольшое блюдо. Поставила на пол.

Мелкий хищник набросился на еду с таким остервенением, словно не ел неделю. Кара, дремавшая на подоконнике, приоткрыла один глаз, брезгливо дернула усом, оценивая эти плебейские манеры, и снова отвернулась к окну.

Я налила себе воды и присела напротив Марины. — Фамильяр — это не домашний питомец. Это твой якорь и предохранитель, а также защитник. Пока он безымянный, ваша связь работает на инстинктах. Ему нужно имя. Это закрепит связь.

Марина отодвинула пустую тарелку, задумчиво глядя на чавкающий черный комок. В ее глазах уже не было той забитости, с которой она проснулась. Магия, накормленная и успокоенная, начала возвращать ей личность. — Он вчера забрал всю боль, — тихо сказала она. — Он как... как уголек, который упал в снег и растопил его. Она спустила руку вниз. Котенок, вылизав блюдо до зеркального блеска, тут же ткнулся мокрым носом в ее пальцы. — Пусть будет Уголь.

Пространство кухни едва заметно дрогнуло. Легкий, почти неуловимый резонанс прошел по воздуху и рассеялся. Я почувствовала это кожей — замок защелкнулся. Имя было принято. Уголь утробно мяукнул и, цепляясь крошечными когтями за ткань, вскарабкался по штанине Марины, устроившись у нее на коленях.

— Отличное имя, — одобрила я. — А теперь доедай хлеб и...

Мой телефон, лежавший на столешнице, завибрировал, перебивая меня. Экран высветил короткое сообщение от Бабушки.

«Приземлилась. Трафик терпимый. Буду у тебя через полтора часа. Ставь чайник».

Я провела большим пальцем по экрану, блокируя телефон. Внутри всё подобралось, как перед прыжком. Подготовительный этап закончился.

— Марина, — я посмотрела на девочку, которая дожевывала гренку, поглаживая заснувшего Угля. — Приводи себя в порядок и отдыхай. Скоро приедет старшая ведьма моего рода. Будем решать, как жить дальше.

Ключ в замке повернулся ровно в половине седьмого. Я вышла в прихожую как раз в тот момент, когда дверь распахнулась, впуская в теплую квартиру промозглый запах московского октября, смешанный с тонкими нотами дорогого шипрового парфюма.

Агнесса переступила порог с привычной элегантно-невозмутимостью. Четыре часа лёту из Афин не оставили на ней ни малейшего следа. Глядя на эту эффектную, подтянутую женщину, которой на вид никак нельзя было дать больше сорока пяти, мало кто со стороны вообще мог поверить, что она приходится мне родной бабушкой. Идеальное шоколадное каре, легкий шелковый шарф и безупречная осанка. В одной руке она держала небольшой кожаный саквояж, в другой — перевязанную лентой коробку из дорогой кондитерской.

Федоил, который до этого притворялся меховым ковриком, внезапно ожил. Он издал звук, похожий на скрип несмазанной дверной петли, и тяжело потерся рыжим боком о ноги хозяйки.

— Здравствуй, Марго, — Бабушка передала мне коробку, стягивая тонкие кожаные перчатки. — Скажи мне, кто вообще придумал осень в этих широтах? После Греции Москва ощущается как огромная, холодная, мокрая губка. Трафик на Ленинградке — отдельный вид пытки.

Она говорила это совершенно будничным, светским тоном, снимая пальто. Никакой суеты. Никаких тревожных вопросов с порога. Агнесса всегда сначала брала пространство под свой контроль.

— Чай, кофе? — я повесила ее пальто в шкаф.

— Кофе, если тебя не затруднит.

Мы прошли на кухню. Марина сидела за островом, поглаживая уснувшего на коленях Угля. Она уже успела принять душ и переодеться в заказанный мной утром темно-синий спортивный костюм. Вика, успевшая перебраться с дивана, стояла рядом с сестрой, прислонившись к ее плечу. При виде новой, властной взрослой, девочки синхронно напряглись. Вика привычным жестом вцепилась в край Маринино свитшота.

Агнесса не стала нависать над ними или сюсюкать. Она поставила саквояж у стены, плавно опустилась на высокий барный стул напротив девочек и вздохнула, словно они были старыми знакомыми.

— Отвратительная погода, — сообщила она Марине с легкой полуулыбкой. — В такие дни нужно запрещать людям выходить из дома и прописывать горячий шоколад. Марго, развяжи коробку, будь добра. Там фисташковый тарт, его нужно есть свежим.

Пока я молола зерна и возилась с кофемашиной, Агнесса просто сидела и наблюдала. Ее взгляд скользил по острым плечам Марины, по настороженной Вике, задерживался на мерно дышащем черном котенке. Я расставила перед ними десертные тарелки, положила по куску изумрудно-зеленого тарта и поставила перед Бабушкой крошечную чашку обжигающего эспresso.

— Хороший контур, — вдруг произнесла Агнесса, кивнув на Угля. Марина вздрогнула, занеся вилку над пирожным. — Для первого выброса и без подготовки — очень достойно. Как назвала якорь?

— Уголь, — тихо ответила Марина.

— Подходит, — Агнесса сделала микроскопический глоток кофе. — Меня зовут Агнесса Эдуардовна Власова. Я старшая в нашей семье. И, раз уж вы теперь сидите здесь, давайте знакомиться по-настоящему. Смирновы — это фамилия вашего отца, верно? Обычный человек?

Марина кивнула, проглотив сладкий кусок:

— Да. Он работал инженером.

— А мама? Как была ее девичья фамилия?

Марина нахмурилась, глядя в тарелку.

— Воронова. Мама говорила, что у нее никого не осталось. Бабушка умерла очень давно.

Агнесса едва заметно скосила глаза на меня. Вороновы. Я мысленно перебрала известные мне семьи. Среди московских родов их точно не было.

— Хорошо. Вороновы, — Бабушка отставила чашку и посмотрела прямо на девочку. — Марина, мама рассказывала тебе об особенностях вашего дара? Какая именно сила течет в вашей крови?

Марина непонимающе покачала головой:

— Нет. Она рассказывала только суть, я знала, что я будущая ведьма. Но это секрет для остальных, что однажды я это почувствую и немного о том как проходит выброс силы, но.... Я испугалась когда пришло время.

— Понятно, — Агнесса не показала разочарования. — Хорошо. Тогда скажи, как мама колдовала сама? Что она делала дома? Лечила руками, шептала на воду, сушила травы?

Девочка снова отрицательно покачала головой.

— Она никогда ничего не делала в доме. Вообще. Если ей было нужно... она уходила. Мы тогда жили на краю города, там сразу начинался лес и поле. Она уходила туда на несколько часов. Возвращалась всегда уставшая, но... спокойная.

Я посмотрела на Агнессу. Мда... никакой конкретики.

— Ясно. С этим мы разберемся со временем, не страшно, — Бабушка мягко перевела тему. — Вы жили в частном секторе? В каком городе?

— В Рязани, — голос Марины стал глуше. — У нас был свой дом. Старый, деревянный, с большим садом.

— И что случилось с домом после того, как родителей не стало? У вас есть родственники со стороны отца?

Пальцы Марины сжались, сминая бумажную салфетку.

— Да. Приехала тетя Валя. Папина сестра. Они с мужем отдали нас в детдом. Тетя сказала, что у них нет денег кормить чужих выродков. А за домом они присмотрят.

На слове «выродков» в воздухе кухни отчетливо запахло озоном, а Уголь во сне выпустил когти, впиваясь в ногу Марины.

— Человеческая жадность предсказуема до зевоты, — сухо констатировала Агнесса, ни мускулом не выдав гнева. — Марина, а мамины личные вещи? Книги, шкатулки, украшения? Остались в доме?

— Я не знаю, — Марина покачала головой. — Нас увезли почти сразу. Мама кольца не носила, только сережки обычные.

— У меня есть!

Мы все обернулись к Вике. Пятилетняя девочка вытерла рот тыльной стороной ладони и полезла в карман своих новых серых штанов. Она вытащила плотно сжатый кулачок и разжала пальцы.

На ее маленькой ладони лежал простой, потемневший от времени серебряный кулон на обрывке кожаного шнурка. Круглая пластина, на которой был выгравирован стершийся, неровный узор — сплетение древесных корней.

— Он лежал на мамином столике, когда тетя Валя кричала на дядю и собирала вещи в коробки. Он упал на пол. Я его забрала и спрятала, — Вика посмотрела на нас с тем самым вороватым, детдомовским торжеством. — Это моё. Мамино.

Агнесса не стала тянуть руки к кулону. Она лишь чуть подалась вперед, внимательно вглядываясь в серебро. Я тоже сместила фокус зрения. От кулона не фонило активной магией. Скорее — маяк. Метка принадлежности к роду, пропитанная остаточной, старой энергией.

— Ты очень умная девочка, Вика, — серьезно сказала Агнесса. — Спрячь его обратно в карман и береги. Это важная вещь.

Вика, гордая похвалой, тут же запихнула кулон обратно.

Бабушка откинулась на спинку стула, плавно меняя атмосферу за столом на более светскую.

— Ну а теперь о более насущном. Марина, в школе тебе нравится учиться?

Марина, сбитая с толку резкой сменой темы, неуверенно пожала плечами.

— Нравится. Биологию люблю. И литературу. Но у тети Лиды и дяди Вовы сложно делать уроки... там всегда было шумно. И свет часто отключали за неуплату.

— Биология — это прекрасно, — кивнула Агнесса. — Завтра мы займемся вашим гардеробом. А со следующей недели, пока не решится вопрос с документами я найму тебе репетиторов, пока ты не стабилизируешь свою силу, про школу пока можно забыть, думаю, к новому году все уляжется. Потом подберем хорошую частную школу. С нормальным освещением и без шумных родственников. А тебе моя милая детский сад.

Ба кивнула Вике и улыбнулась.

Девочки смотрели на нее огромными глазами. Для них эта уверенная, красивая женщина, решающая их судьбы за чашкой кофе, выглядела надежнее любого бетонного бункера.

— А пока вы переедете ко мне, у Марго, к сожалению, нет лишних комнат, — плавно завершила Агнесса. — Марго, проводи девочек в гостиную. Пусть досмотрят телевизор. Нам с тобой нужно обсудить технические детали.

Когда Марина, бережно неся проснувшегося Угля, и Вика ушли в комнату, оставив нас одних, я прикрыла дверь на кухню.

Агнесса допила свой остывший кофе. — Вороновы из Рязани, — задумчиво произнесла она, глядя в пустую чашку. — Был когда-то такой род. Проклятийники. Это многое объясняет. Дома такой силой не разбрасываются.

Я вскинула брови, не сумев сдержать удивления. Проклятийники? Редкая специализация. Само слово у маглов обычно ассоциировалось со злобными старухами, наводящими порчу на соседских коров. На деле же это была ювелирная, хирургическая работа с чужим негативом. Проклятийники специализировались на снятии сложнейших родовых проклятий и распутывании кармических узлов. Да, насладиться им тоже могли — как и любая из нас, — но их сутью было именно разрушение чужого деструктива. У меня был знакомый колдун из их породы, жутковатый, но крайне полезный тип. Сама я могла навесить порчу или снять бытовой сглаз, но лезть голыми руками в полноценное проклятье ни за что бы не стала — слишком велик риск стянуть эту дрянь на себя.

— Думаешь, авария... — начала я, сопоставляя факты. Мать-проклятийница и внезапная смерть?

— Возможно, просто трагическая человеческая случайность. Обычный пьяный идиот на встречной полосе. А возможно, из-за того, что ее интуитивный щит истончился под тяжестью какого-то отката и не сработал в нужный момент, — Бабушка тяжело вздохнула. — Я подниму архивы по этой ветке. И разузнаю об аварии.

— А дом? — спросила я, убирая тарелки в раковину. — И тетка? Кстати, когда она упомянула родственников, воздух на кухне стал сухим и колким, будто перед грозой. У девчонки еще неконтролируемый фон.

— Дом Вороновых нам не нужен, но это законное наследство девочек, — отрезала Бабушка, проигнорировав замечание о фоне — она и сама всё прекрасно чувствовала. — За кражу личных вещей матери эта Валентина ответит. Гуревич найдет способы сделать ее жизнь крайне увлекательной с юридической точки зрения.

Агнесса поднялась, поправляя шелковый шарф. — Именно поэтому я забираю их к себе, Марго. Сила проклятийников тяжелая. Чтобы стабилизировать Марину и не дать ей навредить себе или сестре во время следующих выбросов, нужен колоссальный опыт. Твоего контроля пока хватит лишь на то, чтобы удержать ее якорь, но учить ее специфике — моя задача.

Я оперлась ладонями о столешницу, чувствуя, как наваливается усталость прошедших суток. — Так, поедем ко мне, расположим девочек в твоей бывшей спальне, там просторно, — скомандовала Бабушка, беря в руки саквояж. — Собирайся. Придется побыть у меня пару дней, дел предстоит много. Нужно будет провести малый ритуал гостеприимства, чтобы мой дом принял их, как подопечных рода. А пока позвоню Гуревичу. Мда, предстоит еще много дел.

Глава 7

Через час мы уже были на Арбате.

Старый доходный дом встретил нас привычной тишиной парадного. Весь первый этаж занимала антикварная лавка Агнессы — за темными окнами витрин сейчас спали бронзовые канделябры и потемневшие от времени зеркала. А прямо над лавкой, на втором этаже, располагалась ее огромная четырехкомнатная квартира. Мой бывший дом, из которого я съехала после совершеннолетия, когда Бабушка вручила мне ключи от двушки на Покровке.

Замки щелкнули, и мы переступили порог.

Здесь пахло пчелиным воском, старой бумагой и едва уловимо — сушеной лавандой. Квартира Агнессы всегда подавляла неподготовленных людей своим масштабом. Тяжелая антикварная мебель, темное дерево, высоченные потолки с лепниной и бесконечные книжные стеллажи, уходящие под самый потолок.

Девочки жались друг к другу в прихожей, озираясь по сторонам. Вика не сводила глаз с огромного напольного зеркала в резной раме, а Марина крепче прижала к себе Угля. Котенок, в отличие от детей, чувствовал себя прекрасно — он повел носом, спрыгнул на паркет и похозяйски потопал вглубь коридора. Кара, не устаивая никого взглядом, тенью скользнула следом.

— Так, — Агнесса сняла пальто, повесив его на кованую вешалку. — Девочки, идемте. Покажу вашу комнату.

Бабушка выделила им мою бывшую спальню. Там было просторно, светло и стояла широкая кровать, на которой они обе легко помещались. Себе я забронировала кабинет Агнессы — там стоял вполне сносный кожаный диван, на пару ночей мне хватит.

Пока дети, окончательно вымотанные дорогой и новыми впечатлениями, переодевались и укладывались спать, мы с Агнессой прошли на кухню.

В отличие от остальной квартиры, кухня была выдержана в светлой, классической гамме. Я опустилась на стул у большого круглого обеденного стола, чувствуя, как гудят ноги. Агнесса щелкнула кнопкой электрического чайника и достала две фарфоровые чашки.

— Уснули почти сразу, — тихо сказала я, кивнув в сторону коридора. — Уголь лег Марине в ноги.

— Пусть спят, — Бабушка присела напротив, сцепив руки в замок на светлой скатерти. — Значит так, Марго. Никаких поспешных выводов о ее даре мы пока не делаем. Проклятийники — это лишь моя гипотеза, основанная на фамилии и тяжести фона. Я буду за ней наблюдать. Спокойно, без давления.

Чайник мягко щелкнул, выбросив облачко пара.

— Гуревич сделает документы, это вопрос времени, — продолжила Агнесса, поднимаясь, чтобы разлить кипяток. — Но мне нужно поднять старые архивы. Если мать действительно из рязанских Вороновых, надо выяснить, не осталось ли по их линии живой родни. Тех, кто мог уцелеть. Вслепую мы действовать не будем.

Я кивнула, принимая из ее рук горячую чашку. План был предельно прагматичным. Никакой спешки, только сбор информации и контроль. Хорошо когда есть план. Дети в безопасности, охрана дома на Арбате надежна, как банковское хранилище. Теперь оставалось только ждать, когда пыль уляжется, и смотреть, какие карты лягут на стол.

Тяжелая входная дверь моей квартиры на Покровке захлопнулась, отсекая шум подъезда. Я прислонилась к прохладному дереву спиной и выдохнула.

Боги, как же хорошо дома.

Тишина обняла меня, как старый друг. Никакой суеты, никаких испуганных детских глаз и непрерывного броуновского движения. Кара спрыгнула с моих рук, по-хозяйски потянулась, выпустив когти на коврике, и неспешно потрусила на кухню — проверять свои владения. Я скинула туфли и прошла следом, чувствуя, как с каждым шагом по родному паркету расслабляются напряженные мышцы.

Выходные пролетели в режиме безостановочного марафона.

Тревога, которая густым колючим облаком висела вокруг сестер в первые дни, растаяла — не без помощи бабушкиных травяных сборов, которые она ненавязчиво добавляла в вечерний чай. В субботу, пока Агнесса решала вопросы с Гуревичем и документами, я работала личным водителем и стилистом. Мы с девочками мотались по осенней Москве со списком, составленным Бабушкой. В нем не было ни единого случайного пункта: от базового гардероба и теплой одежды до мебельного салона. Мою старую огромную кровать нужно было срочно заменить на две отдельные, чтобы у каждой из девочек появилось личное пространство.

К вечеру субботы, когда доставили мебель, Агнесса дирижировала грузчиками с грацией и непререкаемостью главнокомандующего. А после, когда коробки были разобраны, а малый ритуал гостеприимства вплел имена девочек в защитный узор старого дома на Арбате, началось самое интересное.

Я заваривала себе кофе и наблюдала, как Бабушка обучает Марину. Она не просто ставила ей манеры. Она ювелирно сплетала уроки этикета с контролем дара.

— Спину ровнее, Марина. Дыши животом, — звучал ее спокойный, прохладный голос в гостиной. — Твоя сила — это не проклятие и не болезнь. Это твоя кровь. Позволь ей течь ровно, без рывков. Мы не деревенские знахарки, милая. Ведьма держит лицо и осанку даже тогда, когда мир вокруг рушится. Вилку держим левой рукой.

И это работало. Под строгим, но безопасным руководством Агнессы острые углы в ауре Марины начали сглаживаться, а дикий, неконтролируемый фон проклятийника постепенно утихал, находя свое русло.

Но сейчас был понедельник. Девочки остались в надежных руках на Арбате, а я вернулась в свою берлогу.

Я налила себе кофе, прошла в гостиную и рухнула в любимое кресло. Кара тут же запрыгнула на колени, свернувшись горячим, тяжелым клубком. По нашему внутреннему контуру разлилось глубокое, сытое умиротворение.

Я сделала глоток, глядя на настенные часы. Половина первого. В три часа дня в тринадцатой квартире напротив меня ждала клиентка. Дама с классическим запросом на «поиск себя».

Антонина Павловна благоухала корвалолом и дорогим лаком для волос. Она сидела на краешке гостевого стула, вцепившись побелевшими пальцами в сумочку, и вещала с таким надрывом, словно играла леди Макбет в провинциальном театре.

— ...и я вам клянусь, Маргарита, это была могильная земля! — выдохнула она, выпучив глаза. — Прямо под ковриком. Утром выхожу — кучка. Черная, липкая, фонит смертью! А через неделю — иголки в косяке! Хорошо хоть у меня икона над входом висит, она этот сатанизм отбила. Но теперь...

Старушка судорожно сглотнула и перешла на зловеющий свистящий шепот:

— Теперь оно скребется. В стене! По ночам! Шур-шур... шур-шур... Я спать не могу. Давление под двести! Это порча, Маргарита. Соседка с пятого этажа всегда на мою жилплощадь слюни пускала. Навела, стерва!

Я молча тасовала колоду. Гладкий картон привычно скользил под пальцами, золотая змейка на запястье тихо звякала о дубовую столешницу.

Я скользнула взглядом по пространству вокруг Антонины Павловны. Никакой порчей там не пахло. Никакого холода могил. Ткань реальности вокруг старушки резонировала густым, липким, совершенно человеческим раздражением и обидой. От нее тянулись грязноватые нити чужого гнева. Потянув за одну из них, я уловила отголоски молодого, отчаянного бессилия и четкий привкус потерянных денег.

«Могильная земля. Как же, — я едва заметно изогнула бровь, глядя на ее драматичные жесты. — Грунт для фикусов по акции. А иголки — из швейного набора. Кажется, кто-то из тех, кого ты кинула на деньги, бабуля, решил поиграть с тобой в полтергейст. И судя по твоему цвету лица, игра идет успешно».

Я выложила на бархатную скатерть три карты. Рубашками вверх. Медленно. В полной, давящей тишине.

Антонина Павловна не выдержала. Она подалась вперед, едва не ложась грудью на стол. — Ну что там? — жадно пискнула она. — Порча? Я так и знала! Галька, да?!

Я перевернула первую карту. Дьявол. Затем вторую. Десятка Мечей.

Я подняла на нее глаза, выдержала долгую, звенящую паузу и произнесла одним лишь дыханием:

— Хуже.

Старушка сдавленно охнула и отшатнулась, вжавшись в спинку стула.

— Куда уж хуже? — пролепетала она, прижимая руку к жемчужной нити на шее.

— Порчу можно снять, — я наклонилась чуть ближе, понижая голос до гипнотического баритона. — А вот то, что разбудили вы... Карты говорят, что это не соседка. Это кармическая долговая воронка.

Я перевернула третью карту. Башня.

— Видите? — я постучала ногтем по изображению рушащегося здания. — Разрыв договора. Я чувствую... бумагу. Много бумаги. И цифру. Пять. Пятьдесят? Пятьсот?

Антонина Павловна пошла нездоровыми красными пятнами. Жадность на ее лице отчаянно боролась со страхом быть утащенной в ад.

— П-пятьсот... — сглотнула она.

— Пятьсот тысяч, — утвердительно кивнула я, глядя сквозь нее с ледяным профессионализмом. — Они должны были вернуться владельцам. Но осели в чужом кармане. Карты никогда не врут. Из-за этого образовалась прореха. И в нее пролезла Сущность Возмездия.

— Но это был задаток! — вдруг взвизгнула Антонина Павловна, пытаясь защищаться. — За квартиру! Они сами виноваты, тянули! То есть, я передумала, но по закону...

— Сущность Возмездия не читает Гражданский кодекс, Антонина Павловна, — перебила я с легким сожалением. — Она чует украденное право на дом. То, что скребется по ночам... оно не в стене.

Я сделала театральную паузу, наблюдая, как расширяются ее зрачки.

— Оно скребется в ваше эфирное тело. Ищет брешь. Иголки в дверях — это мелочи. Это лишь физическое проявление того, как рвется ваша защита.

— И... и что делать? — просипела она, глядя на Башню, как на свой смертный приговор. — У меня же икона...

— Икона защищает праведников, — я изящно сложила руки на столе. — А вам придется закрывать воронку. Вернуть все до копейки. Тем молодым людям. И, — я бросила многозначительный взгляд на карты, — судя по густоте тени, вы практикуете подобное не впервые? Залоги за аренду, которые вы не вернули из-за якобы поцарапанного паркета?

Старушка вжала голову в плечи.

— Вернуть? Пятьсот тысяч?!

— Как только деньги упадут на их счета, скрежет прекратится, — непреклонно произнесла я. — Иначе Башня рухнет. Сущность Возмездия очень любит забирать долги здоровьем. Начинает, как правило, с тазобедренных суставов.

Выбор был очевиден. Через три минуты входная дверь за Антониной Павловной торопливо захлопнулась. Она бежала к лифту с такой скоростью, словно Сущность уже клала зубы у ее лодыжек.

Я откинулась в кресле и посмотрела на пустой стул.

— И ведь даже торговаться не стала, — хмыкнула я.

«Ребята с могильной землей, конечно, выбрали слишком театральный подход, — подумала я, лениво собирая колоду со стола, — но за креативность им твердая пятерка. Надеюсь, они получают свой задаток обратно раньше, чем догадаются купить радиоуправляемую крысу и запустить ее в вентиляцию».

Октябрь тянул в приоткрытую форточку стылым сквозняком, но под одеялом сгустилось плотное, душное лето.

Я не проснулась до конца — вынырнула на границу сна, когда резко изменилась температура. Спину обдало сухим жаром. Матрас плавно прогнулся под чужой тяжестью, и вдоль позвоночника скользнули кончики пальцев. Едва касаясь кожи. Медленно, как по натянутой струне.

Тело среагировало быстрее, чем мозг включил анализ. Никакой сдачи позиций — просто чистая физиология и предвкушение допинга.

Слава не спешил. Губы коснулись шеи под линией роста волос — не поцелуй, а влажный след и обжигающее дыхание, от которого по рукам ударила крупная дрожь. Жесткая, горячая ладонь легла на талию. Большой палец с нажимом очертил изгиб бедра, заставляя мышцы живота непроизвольно сжаться.

Я попыталась повернуться, но он не дал. Прижал спиной к своей груди — твердой, пышущей неестественным, печным жаром. Рука скользнула по животу вверх. Пальцы чуть грубовато смяли грудь, выбивая из горла первый, еще сонный вздох. Никаких слов. Только темнота, шорох шелка и его запах — сухие травы и раскаленный камень.

Вторая рука издевательски медленно поползла по бедру вниз, считывая каждую реакцию. Я выгнулась, вжимаясь затылком в его плечо. Сон слетел окончательно. Осталась только звенящая пустота, требующая заполнения, и жажда энергии — эгоистичного, концентрированного кайфа. Пальцы скользнули по внутренней стороне бедра, едва касаясь, заставляя судорожно выдохнуть и податься назад в поисках трения.

Он довольно выдохнул мне в ухо. И только тогда перевернул на спину.

В полумраке угадывался лишь силуэт широких плеч и тусклый отблеск глаз. Он перехватил мои запястья, прижимая их к подушке. Тихо звякнула золотая змейка браслета. Губы накрыли мои — жестко, пробуя на вкус, заставляя саму тянуться навстречу и сбиваться с дыхания в этом тягучем ритме.

Я вырвала руки, зарылась пальцами в его волосы, притягивая ближе. Кожа горела. От него фонило такой густой, хищной энергией, что тело отзывалось на нее мгновенно.

Он развел мои колени. Никакой резкости, сплошная неторопливость хищника. Тяжелая ладонь легла на низ живота, и он вошел — плавно, до упора, заполняя своим невыносимым жаром. От ощущения тугой полноты перед глазами поплыли цветные пятна. Я со стоном впиалась ногтями в его плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.